

Диана Денисовна Кацапова

Не доверяй ни одному из них

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67044051

SelfPub; 2022

Аннотация

Лёня уезжает из дома своей тёти и, забирая свою кухню Надю, решает жить в общежитии, находящемся рядом с его институтом. Но произошла ошибка, из-за чего Лёня и Надька переезжают в квартиру.

Но там их ожидает не то, чего ожидали Лёня и Надя. Постоянные намёки на то, что нужно бежать из этой квартиры, нагоняют на Лёньку мысли о том, что всё это неспроста, правда осознаёт он это слишком поздно. Сложно ли будет выбраться из этой квартиры или совсем невозможно – вы узнаете в этой книге.

Диана Кацапова

Не доверяй ни одному из них

Глава 1 Неудача

Я тихо собирал вещи для отъезда в общежитие, пока тётя, с которой я жил, причитала и говорила мне о том, что стоило бы остаться с ней во время всего моего обучения в институте. Не думал, что она волновалась за меня. Скорее, не хотела, чтобы её вечный раб уезжал от неё, даже несмотря на то, что с моей тёткой жила и её родная дочь, Надя, слёзно молящая меня о том, чтобы я не уезжал. Да, мои родители умерли, да, я остался сиротой и я вынужден был жить в их сумасшедшей семейке, но теперь, когда мне исполнилось восемнадцать, и я окончил школу, можно было уезжать в общежитие. Конечно, мне было жаль бедную пятнадцатилетнюю Надю, живущую с отцом-тираном и почти всегда пьяной матерью, но остаться в этом дурдоме у меня уже не осталось никаких сил.

– Лёня,– кричала Надька, вцепившись в рукав моего свитера:– останься, пожалуйста! Умоляю! Лёня... не оставляй меня одну, пожалуйста... прошу тебя... они убьют меня.

Тётка моя, Александра Георгиевна, оттащила от меня Надю и кинула её на пол. Разрыдавшаяся девчонка сжалась в комок и прислонилась к стене. Нет, нужно было забирать её

с собой! Надька не заслужила такого отношения к себе!

Я подошёл к Наде и, подняв её на ноги, прижал к себе. Я чувствовал дыхание Надьки и её горячие слёзы, бегущие по щекам. Казалось, я чувствую эту грусть вместе с ней, и даже для меня боль та была невыносимо тяжёлой- а представлять, что ощущала в тот момент Надя, мне даже не хотелось... Надя бы не мешала мне, я уверен. И плевать, что будут думать мои соседи по комнате! Надьку нужно вытаскивать из этого ада- и, раз появилась возможность, я готов был воспользоваться ею.

– Надь... – сказал я. – Хочешь, я возьму тебя с собой?!

Девчонка отстранилась от меня и глянула своими глазами, полными слёз, прямо мне в душу, если честно. От этого отчаяния, спрятанного во взгляде моей милой Надьки, меня пробила дрожь. Холодок пробежал по спине, и я лишь крепче сжал руку Нади. Я понял, что она мне не ответит в присутствии матери, поэтому я решил сказать обо всём сам:

– Тётъ, она поедет со мной.

Тётка вмиг поменялась в лице. Безразличие сменилось злостью, такой, что я инстинктивно попятился назад, чувствуя, как сердце моё бьётся с каждой секундой всё быстрее и быстрее.

– НИКУДА ВЫ НЕ ПОЕДЕТЕ, СВОЛОЧИ! ВЫ СО ВСЕМ СДУРЕЛИ?!

– Тётъ... она...

– Мам... – в разговор вмешалась Надя. – Не бей Лёню...

От её слов мурашки пробежали по моему телу. Эту бедную девочку зашугали настолько сильно, что она во всём видела опасность. Надька боялась каждого шороха. Пятый год у неё были панические атаки, и иногда я краем глаза видел, как она бьётся, словно в конвульсиях, по полу, крича с неистовой силой, так, что уши мои закладывало...

Сейчас же я чувствовал, как Надька дрожит от страха, и именно это побудило во мне странное бесстрашие, каким я не обладал никогда ранее. Наверное, если бы не адреналин, бушующий в

крови, ударяющий в мою голову со страшной силой, я бы никогда не сказал тётке ничего того, что произнёс в тот момент:

– Заткнись. Она поедет со мной.

Я быстро взял рюкзак. Надьку схватил за руку и, накинув на неё тонкую курточку, выбежал с ней на улицу. Бежали так мы долго. Мои руки дрожали от страха. Декабрь уже вступил в свои права, но я не чувствовал того, что замерзаю. Мне надо было вытащить Надю из пучины безумия, и я пытался это сделать всеми возможными и невозможными способами. Надька же орала на меня, называла неблагодарным подонком и многими другими, не особенно приятными словами в мой адрес. Но мне было всё равно на то, что Надя подумает обо мне, ведь я, казалось, уже ничего не чувствую.

Вдруг Надя остановилась. И я тоже. Осознанность ударила в голову, и я подошёл к Надьке и обнял её. Казалось, се-

кунда- и я заплачу. Я, восемнадцатилетний парень, заплачу по непонятным мне причинам. Возможно, в глубине своего сознания я чувствовал вину, такую сильную и противную, мерзкую и гадкую вину. Возможно, я бы и вернулся домой, если бы не все воспоминания, связанные с ним: шрам на ноге от кипящего масла, которое вылил на меня Надин отец-пьяница, многочисленные раны и синяки на теле, и, что самое главное- Надька, на глаз слепая из-за того, что мать её выколола его прутиком, которым била по лицу свою дочь. В этот день я был в школе, а потом... потом узнал все подробности...

От этих воспоминаний кулаки сжались сами собой. Хотелось отомстить за себя и Надю, но не хотелось огорчать последнюю как-либо. Я любил Надьку, и лишь хотел помочь ей. Но моя милая Надя лишь фыркала и вздыхала, прижавшись ко мне.

– Надя... – наконец сказал я. – Надь... ты хочешь вернуться?!

– Нет... – испуганно проговорила моя Надька. – Но... я боюсь... боюсь убегать... мне страшно жить...

По щекам девушки потекли слёзы, а я лишь вытер их рукавом куртки.

– Так ты поедешь со мной?!

Девушка лишь кивнула. Я же остановил такси и, погрузив туда Надю, сел в машину сам и закрыл дверь, после чего автомобиль тронулся. Удары сердца заглушали посторонние

звуки: разговор таксиста с нами и его ответы Надьки. Всё тело горело и ломило от безумной усталости. Ноги гудели, а голова пульсировала с бешеной силой. Мне было страшно от всего, что происходит, но я не мог показывать своей слабости, и лишь уставшие глаза и читающееся в них отчаяние показывало, что всё в моей душе не так хорошо, как кажется на первый взгляд. Я был далеко не решительным человеком, и каждое действие давалось мне с большим трудом, а то, что я сделал сегодня, было для меня чем-то невозможным, опасным... и мне нужно было прийти в себя.

Я опёрся о спинку автомобильного кресла и посмотрел в окно. От деревни, в которой жили я и Надька, автомобиль уезжал всё дальше и дальше. Пейзажи менялись с бешеной скоростью, но, казалось, меня это даже успокаивало. То, что я и Надя наконец-то выбрались из этого кошмара, не могло не обрадовать, и я даже слабо улыбался, смотря в никуда и думая о том, как сложится моя дальнейшая жизнь. Хотелось окончить институт и начать работать риэлтором. Меня всегда интересовали квартиры. Казалось, что в каждой из них есть какая-то особенная, своя атмосфера. И мне хотелось изучить эту атмосферу, прочувствовать её в каждой из квартир- это меня и привлекало в работе риэлтором.

Я повернулся к Надьке от того, что она дёргала меня за рукав куртки. Девушка была более чем взволнованна, и мне кажется, я тогда совершенно не отличался от неё. Но видя, как Надя обеспокоенно скрючивает пальцы, я думал лишь о

ней.

– Надь... – сказал я и прижал к себе Надьку. – Ты чего плачешь?!

– Лёнь... мне страшно...

– Что случилось?!

– Мне страшно из-за того, что меня в твоём общежитии не примут... я не хочу, чтобы у тебя были проблемы. Как-никак, а я всё же твоя родственница и тоже могу волноваться за тебя, Лёнь... – девушка тревожно вздохнула. – И я люблю тебя.

– Я тебя тоже, Надь. И все проблемы мы сможем решить. Обещаю.

Вскоре такси остановилось возле нужного нам общежития, и я, взяв за руку Надьку, подошёл к зданию. Всё белое, оно сверкало от солнца, словно заманивая меня к себе. И я шёл к общежитию, даже не слушая того, что говорит Надька, ибо я знал, что её пессимистичная натура сможет рассказать мне миллиард доводов, почему нам не стоит заселяться в одну из комнат общежития, а нужно ехать домой. На самом деле, не скрою, я тоже тогда волновался, как никогда ранее, но я ни за что на свете не мог допустить того, чтобы мы поехали домой, обратно, к моей тётке... я готов был вытерпеть всё, даже слёзы Нади- но не мог возвращаться в деревню.

И вот, мы уже подошли к общежитию. Надька уже ничего не бубнила себе под нос, а спокойно, молча, шла со мной. Женщина, стоящая у входа, почему-то перегородила нам до-

рогу и как будто оцетинилась, словно кошка.

– Извините, я могу пройти?!– спросил я у неё.

– Зачем вам?! Приходите позже. У нас мест нет.

– Но... я должен был сюда заселяться! Надь, ну скажи ей!

Надька послушно кивнула.

– Ага... я посмотрю, конечно... я позвоню, если найду ошибку. Напишите свой номер сюда.– женщина протянула мне листок.

Я написал свой номер телефона на листок и в отчаянии отошёл от двери.

– Ну и что теперь?!– спросила Надя.

– Будем искать квартиру. Может, найдём какую.

– Согласен. Не стоит отчаиваться.

Наша с Надей новая квартира располагалась недалеко от центра города. Панельный дом старого типа. Впрочем, меня и Надьку устроил даже такой вариант. Всё же лучше, чем продолжать жить в доме тётки. Пока мы ехали на такси, я крепко сжимал в руках ключ от заветной квартиры, который мне дала риэлтор на случай, если хозяйки не будет в доме. Квартира номер 141.

Я и Надька поднялись на шестой этаж, где и располагалась наша квартира. Хотя, пока не наша. Надо было ещё переговорить с хозяевами квартиры, а, самое главное, рассмотреть её саму. Что понял я, когда вошёл в подъезд, так это то, что лифта в доме не было, да и неудивительно- я даже и не думал

о такой роскоши. Но это меня не отпугнуло, да и Надьку тоже. В конце концов, Надя будет в новой школе, я - в институте. В квартире всё равно будем нечасто, а даже если и будем оставаться тут надолго, то отсутствие лифта совсем не отпугивало. Скорее, я отнёсся к этому совершенно нейтрально. Куда больше волновало то, как будет выглядеть наша новая жилплощадь, и это не могло не сказаться на моём внешнем виде. Мои колени дрожали с бешеной силой, и я пытался успокоиться, но ничего не получалось. Мысли ударяли в голову, как тысяча мелких мошек, бьющихся в агонии, и все они были тревожные, пугающие меня. Мною овладели страх и паника, и я хотел бы бежать, но как замороженный, шёл по лестнице к нужной квартире.

Глава 2 Ужасная ночь

Постучав в неё с минуту, нам наконец открыла дверь пожилая женщина. Она нам улыбнулась, но как-то слишком устало. Словно давно хотела избавиться от квартиры. Войдя в прихожую, я понял, что тоже бы этого хотел. Стены все были ободраны, а пол поцарапан, словно по нему скребли сразу несколькими ножами. Я встал в ступор. Не понимал, кто делал такое. Сама старушка не могла - большого труда ей составляло даже сделать шаг, не то, чтобы нагнуться и поцарапать пол. Но если это делала не хозяйка квартиры... тогда кто?!

Старушка словно прочитала в моих глазах страх и панику. Хозяйка квартиры вдруг подошла ко мне и тихо произнесла:

– Что- то случилось?!

– Зачем Вы царапаете пол?! Зачем?

– Ну...

– ЗАЧЕМ?!

– Всё хорошо. Не переживайте.

Женщина, не желая ничего говорить про пол, лишь устало улыбнулась.

– Это так и было... – добавила она. – А Вы будете покупать квартиру?!

Я поймал на себе встревоженный взгляд Надьки. Нет, выбора у нас определённо не было. Жить в квартире с поцарапанным полом куда лучше, чем на улице. По взгляду Нади я понял, что она думает так же, как и я. И после секундного молчания я наконец- то сказал:

– Будем.

Отдав деньги пожилой женщине и дождавшись, пока она выйдет из квартиры, я закрыл дверь и пошёл из прихожей на кухню. Последняя была достаточно маленькой, но радовало то, что там было множество разных полок. Пожелтевший от времени холодильник, к моему удивлению, работал прекрасно, а кран мог включить и горячую, и холодную воду.

– В принципе, если ужиться, то тут можно жить. – сказал я свои мысли вслух.

Радости моей не было предела. Исследовав кухню, я пошёл дальше, по коридору, который почему- то привёл меня в тупик. Упёршись в стену, я впал в ступор. Если смотреть

сверху, коридорное пространство походило на букву «Г». То есть... в небольшом углублении справа ничего не было! Оно попросту пустовало! Странное это дело- строить тупики... а главное- зачем это вообще было нужно...?! даже потолочного освещения в этой части квартиры не было, хотя на противоположной стороне была вмонтирована розетка, да даже это волновало не так сильно, как то, что на стене было огромное, чёрное пятно.

Будучи скептиком, ни одна мысль про какие- то заблудшие тут души не приходила, и я, махнув рукой на всю эту ситуацию, пришёл к выводу, что всё это- просто ошибка строителей. К тому же, меня уже звала взволнованная Надька, и я понёсся к ней, а мысли о коридоре вмиг покинули мою голову, ибо Надя просила меня помочь ей разложить все наши вещи:

– Лёня, Лёнь! Где ты?! Помоги мне, прошу!– кричала моя Надька с кухни.

– Уже иду, Надь!

Ускорив шаг, я наконец оказался на кухне. Надя раскладывала по полкам разные продукты, говоря что- то про мою безответственность. Что ж, я готов был смириться с этим. Всё равно мы не ссорились, а перфекционизм Надьки я был готов принять. Но даже несмотря на это, моя Надя не повышала на меня голос, а говорила что- то себе под нос. Я же раскладывал всякие тёплые одеяла на две кровати: мою и Надькину. Подушки я не засунул в рюкзак. Планировал ку-

пить их на следующий день после заселения, ибо мои ноги устали настолько, что готовы были подкоситься в любую секунду. От этого я и сел на стул в кухне, чем вызвал явное недовольство Надьки.

– А мне не поможешь?!– с обидой сказала Надя.

– Брось ты эту затею. Сегодня поспим, а вот завтра будем раскладывать все эти вещи. Ты же не против, Надь?!

– Лёня... это ты себя оправдываешь?!

– Нет. Просто не хочу, чтобы ты напрягалась.

На лице Нади засияла милая улыбка.

– ПРАВДА?! Ты меня любишь?!– девушка набросилась на меня с объятиями.

– Конечно. Иначе я бы с собой тебя не взял.

– Взял. Совесть не позволила бы тебе уехать без меня.

– Ты сама- то рада, что уехала?

Надя кивнула, а глаза её аж засияли от безумной радости. Такой счастливой я не видел её уже достаточно давно. И я был рад, что наша жизнь наконец- то налаживается. Поют птицы, словно чирикавая в такт нашему счастью... и я надеялся, что так будет всегда.

Вечер.

Я быстро собрал вещи для завтрашнего похода в институт, после чего пошёл проверить Надьку в её комнате. Зайдя в неё, мои глаза врезались в самое ужасное, что произошло со мной за сегодня... Надя плакала.

Сердце моё будто заполняет всю грудь. Кровь приливает к лицу. Надо что-то сказать. Срочно. Электрические разряды пробегают по телу. Ноги грозят подкоситься в любой момент. Главное не упасть в обморок и не превратиться в лужицу. Удары сердца звучат все громче, поднимаются вдоль шеи, словно охватывают горло, отдаются в ушах. Я не испытывал ничего подобного уже очень давно, ещё с того момента, как меня и Надьку перестали колотить, и стали бить ремнём с гораздо меньшей силой. Но сегодня это ощущение вернулось вновь... и я бы так и простоял, не шевелясь, если бы Надя не заревела ещё сильнее, и этот рёв не смешался бы с жутким криком. Это стало для меня тревожным звонком, и я, как ошпаренный, рванул к Наде. Я пытался переместить её взгляд на себя, но моя Надька, казалось, находилась под чьим-то воздействием, под гипнозом, и не обращала на меня внимания. И единственное, что показывало то, что Надя ещё жива, так это её голос, а точнее, фраза, которую она повторяла, совсем не замечая того, что делает это уже очень долго:

– Она тут... она тут... она тут...

Меня смутило то, что Надя находилась в таком состоянии. Да, она была зашуганным, испуганным ребёнком, но в Надьке никогда не было даже намёка на то, что она является сумасшедшей. Сейчас же Надя смотрела в пустоту, сжав руки в кулаки, словно готовясь напасть на кого-то. На кого-то, кто может навредить ей... но им был не я. Надька смотрела будто сквозь меня, словно в глубину коридора, повторяя

лишь одну единственную фразу, почти не дыша. Она хотела сказать мне что-то другое, и я видел это-но, почему-то, не могла. Зрачки Надьки были размером с блюдце, будто бы она умерла, не выдержав чего-то ужасного... и я не понимал, что Надя мне говорит. Но единственное, что я знал, так это то, что в квартире, по мнению Надьки, был ещё кто-то. Кто-то кроме нас, кто-то ужасный и пугающий.

Я начал трясти Надьку. Если в квартиру пробрался какой-нибудь человек, не желающий нам ничего хорошего, то нужно было бы поскорее отсюда убежать. Но ничего не помогало, ни то, что я тряс Надьку за плечи, ни мой крик о том, чтобы она мне ответила. Я даже дал Наде слабую пощёчину, но и это не произвело никакого результата.

Тогда я быстро побежал на кухню и взял оттуда таблетки. Их пили либо я, либо Надя-или же мы вдвоём, когда нам было безумно страшно. Они должны были помочь. Я сделал всё быстрее, чем думал. Воспользовавшись тем, что Надька открыла рот, дабы в очередной раз произнести фразу о том, что тут есть какая-то женщина, я кинул ей в открытый рот таблетку, после чего Надя, как и ожидалось, пришла в себя.

– Ты... чего...?

– Надь, кто тут?! Надька, ты вообще кого видела?!

– Ты что, совсем свихнулся? Нет тут никого-да и не было никогда. С чего ты взял, что я вообще видела кого-то?

– Ты сейчас шептала что-то про то, что в нашей квартире кто-то есть. Ты что, не помнишь этого?

– Ничего того, что ты сейчас мне рассказал, я не помню. Мне кажется, что ты врёшь...

– Нет... я никогда бы тебе не соврал.

И я, обняв Надьку, почувствовал, как мною вновь овладело спокойствие. Теперь я, прижав к себе Надю, посмотрел в окно. Звуки за ним постепенно стихли. Улица погрузилась во мрак, совсем опустев. По улицам изредка ходил кто-либо, разве что собачники, или люди, пришедшие из магазина к себе домой. Эта мёртвая, непривычная тишина, резала мои уши. В доме, где я жил раньше, в это время- десять часов ночи, шум только набирал обороты. К лавкам стекались самые низы нашего общества. Алкаши буйствовали чуть ли не до рассвета, а старушки остервенело лупили по батареям или громко выясняли отношения на лавках, расположенных рядом с детской площадкой. В этой квартире всё было совсем иначе. Особенно остро чувствовалось одиночество, словно не хватает кого-то рядом, чтобы чувствовать себя в безопасности. Кого-то более сильного, который смог бы защитить меня и Надю... но от кого?! От кого-то невидимого... такого животного ужаса, когда холодок пробегает по спине только лишь от того, что в коридоре, за дверью, не горит свет. Было ощущение, что в этой крошечной тьме кто-то притаился и наблюдал за каждым действием меня и Нади. От этой мысли моё дыхание вдруг стало сбивчивым, а сердце участило свой ритм... эти ужасные мысли и ощущения доводили меня до дрожи...

Конечно, в скором времени моё ужасное состояние заметила и Надька. Не иначе. Эта девчонка только по глазам могла понять, что у человека на душе, а видя, как дрожат мои руки, Надя точно поняла, что со мной что-то не так, от чего, я уверен, и сказала:

– Пошли, сериал какой-нибудь посмотрим.

Естественно, мне не хотелось смотреть сопливые сериалы Нади. Но отвлечься от мучающих меня раздумий хотелось невероятно, так сильно, что я нехотя поплёлся в небольшую комнатку, где Надька уже разместила свой ноутбук. Мы сели на диван, и Надька включила один из своих сериалов на своём компьютере.

– О, мой любимый!– воскликнула девушка и хлопнула в ладоши.– Лёнька, а тебя этот сериал устроит?!

Я кивнул. На самом деле, мне было всё равно, что включит Надя. Главное, чтобы она была рядом. Казалось, что чувствуя ответственность за Надьку, я совсем забывал о своём животном ужасе, который мурашками покрывал моё тело...

– Лёнь... ты смотришь?!

– А?

Я вздрогнул от неожиданности.

– Всё с тобой ясно. Ты не смотришь.– буркнула Надя.– Так и сказал бы, что тебе ничего не нравится, а то я...

– Надь, не обижайся.– прервал я монолог кузины.– Я смотрю. Просто немного устал.

– Ну и ладно.– девчонка хихикнула.– Как же я рада, что

у нас появилась квартира!

– Слушай, а ты хоть смотришь свой сериал?!– ехидно подметил я.

– А ты?

– Я тоже смотрю.

Но сериалы не отвлекали от мрачных мыслей. Спать тоже не хотелось. Казалось, если я засну, то позволю подойти ЭТОМУ ближе ко мне. Но чему?! И о паранормальных явлениях думаю я, человек, никогда не верящий ни во что потустороннее... видимо, я в самом деле боюсь... и поток мыслей не прекращался, заставляя меня то и дело оборачиваться и вглядываться в тьму коридора. Естественно, там никого не было. Но мне так было спокойнее.

Нет, так больше я не мог... ноутбук мирно трещал, смешиваясь с голосами актёров, пока я тихо встал и направился к комнате кухни. Таблетки лежали там. Я взял одну и проглотил, даже не чувствуя её ужасного вкуса. Страх немного отпустил меня, и я вновь пошёл к Надьке, прихватив с собой чипсы из кухни, чтобы не слушать миллиард вопросов Нади о том, где я был и чем занимался.

Когда я вошёл в маленькую комнатку, Надька встретила меня с недовольным, даже озлобленным выражением лица.

– Ну и где ты был?!– спросила она.

Я в ответ показал Надьке пачку чипсов и плюхнулся на диван. Надя же, последовав моему примеру, как и ожидалось, совсем не остановилась. Сначала мы немного посмотрели её

сериал, а потом, когда прошло минут двадцать, Надька спросила:

– Ты выглядишь напуганным. Что случилось?!

– Опять ты читаешь моё состояние по глазам!– устало произнёс я.– Успокойся, Надь. Всё хорошо... всё нормально...

– Идиот. Я же точно знаю, что что-то не так!!!

– Ты сумасшедшая.– отрезал я.

– Если что- то тебе будет нужно, позови.

Я кивнул. Меня начало клонить в сон. После напряжённого дня это было вполне естественно. К тому же, выпив успокоительного, мною овладело состояние, которого я не испытывал весь день- спокойствие, и поэтому я закрыл глаза, утонув в объятиях сна...

Я проснулся от того, что воздух будто бы отяжелел. Мне стало трудно дышать. Я ещё никогда не чувствовал такого аномального холода, и это при том, что в нашей квартире в принципе не было кондиционера. Открыв глаза, я увидел дрожащую Надьку, а затем тихие, размеренные шаги по коридору. Дальше, за всем этим адом я услышал другой звук. Кто- то будто бы царапал пол и стены своими длинными когтями. Скорее всего, ко мне вернулись панические атаки. И к Надьке, очевидно, тоже. У нас обоих они были с момента того, как дядя наш начал, мягко скажем, выпивать... но сейчас- то почему они вновь пришли к нам...? Этот вопрос

врезался в мою голову, и я решил обсудить это с Надей. И я попытался разбудить кухню, слыша, как она тихо всхлипывает:

– Надька, Надька,– тихо говорил я:– Надь, у нас с тобой по всей видимости, вернулись панические атаки. Давай обсудим, почему! Меня, например, очень волнует этот вопрос... **НАДЯ, НУ ПРОСНИСЬ ТЫ, ПОЖАЛУЙСТА!!!**– говорил я, переходя на крик.

Девушка повернулась ко мне и подставила палец к губам.

– Тише, тише...– шептала моя кухня.– Она услышит нас.

После её слов последовали достаточно ритмичные удары в дверь. От каждого из них моё сердце сжималось всё сильнее. Казалось, ещё секунда- и то, что стоит за дверью, проникло бы в комнату. Я не мог сомкнуть глаз. Было ощущение, что если я и Надька заснём, то дадим этому существу шанс подойти к нам ещё ближе... но кто это...? Я думал, что к нам вернулись панические атаки, ибо освоиться на новом месте было достаточно трудно. Не знаю, было ли всё происходящее моим воображением, фантомом- но я слышал смешки. Оно издевалось над нами, ожидая, пока сердце меня и Надьки остановятся. Это существо ликовало. Если бы оно захотело, то без труда бы проникло в комнату и разорвало бы нас на кусочки.

Вдруг ручка задёргалась с такой бешеной силой, что меня парализовал страх. Моё тело пробили электрические разряды, словно меня в эту секунду ударили электрошокером. Это

существо било по двери, а Надя лишь тихо плакала. Я слышал, как она молилась, но сам не мог последовать её примеру. Я лишь глядел на дверь... а оно не переставало дёргать её ручку. Словно не могло попасть сюда, в комнату ко мне и Надьке. Встать и проверить, что происходит там, за дверью, у меня не хватало мужества, и я лишь крепко сжимал руку Нади, слыша в этой мёртвой тишине лишь стук собственного сердца и звуки, которые издавало это самое существо.

И вскоре всё стихло, а за дверью послышался милый голос бывшей хозяйки квартиры. У неё был ключ от новой жилплощади меня и Нади. Я и кузина переглянулись между собой, не понимая, что произошло до того, как сюда пришла эта старушка. Определённо, ко мне и Наде вернулись панические атаки. Нужно было идти к психиатру.

– Вы где?! Простите, что поздно!– услышал я голос бывшей хозяйки квартиры, Галины Андреевны.– Подойдите сюда!

– Надь, подожди меня тут.– сказал я и спрыгнул с дивана.

Моя кузина лишь нервно кивнула, и я пошёл в коридор. Галина уже всю гремела посудой, что-то напевая себе под нос. Кажется, что если бы у меня не умерла мама, то она бы заботилась обо мне так же, как и Галина Андреевна. Последняя что-то готовила, и я видел в её глазах такую безусловную любовь, заботу и ласку, что страх постепенно начал исчезать, либо уходить куда-то вглубь моего сознания.

– Здравствуйте.– произнёс я.

Старушка вздрогнула от неожиданности, отпрянув от плиты. Я подошёл к женщине и вновь поздоровался, пытаюсь скрыть неуверенность и волнение. Но Галина оказалась такой же, как и моя Надька: едва она повернулась ко мне, вмиг посмотрела в мои глаза и обомлела. Я понял, что сделал что-то не так, где-то оступился, в последствии чего получил такую реакцию от Галины Андреевны- но что?! Что я сделал не так...? Хотелось бежать со всех ног, чтобы не чувствовать стыда, но почему-то мои ноги словно были приклеены к полу, и мы с бывшей хозяйкой квартиры лишь сверлили друг друга испуганными, взволнованными взглядами. Она знала, что я испуган, а я понимал то, что в этой квартире есть то, о чём старушка умолчала, когда рассказывала нам об этой жилплощади...

– ЭЙ, ВЫ ЧЕГО ТАМ?!

Голос моей Надьки прозвучал странно, прерывая тишину мгновения, которое тянулось словно вечно. Казалось, она даже смогла хоть немного, но разрядить обстановку, которая была уже накалена до своего пика.

Вот я идиот! Зачем молчал?! Нужно было сразу спросить у Галины, что происходит в этой квартире! И я спрошу!

Надька подошла ко мне и взяла за руку. Она приподняла бровь, и меня обдало поистине приятным запахом... её парфюм- пряный, сильный, открытый...?! Этот запах- запах её духов...? Я подарил Наде духи на её день рождения, когда ей исполнилось четырнадцать лет... нет, я не должен пока-

зывать своей слабости. Я должен быть сильным. Ради Надьки. Ради её улыбки и смеха...

– Э-а... что происходит у Вас в квартире?!– выдавил я из себя.– А... э... что- то мистическое... м... мистика... в общем, сегодня ночью мы- я и Надька, слышали что- то ужасное... кто- то царапал дверь... это было до Вашего прихода.

Я сам не понимал, что говорю. Из- за нервов у меня получилась не нормальная речь, а какое- то противное завывание.

Но моя Надька и бровью не ведет, только чуть растягивает идеальные губы в улыбке, отчего на правой щеке появляется маленькая ямочка. Ей смешно... но лучше уж так, чем позориться, как я... безусловно, Надя была в стороне от происходящего, но пыталась поддержать меня. И что, я не могу узнать, что происходит в этой проклятой квартире?!

Я сжал руки в кулаки. Так мне было легче перестать бояться поговорить со старушкой. И когда я почувствовал, что Надя дрожит, я наконец начал разговор:

– Да что у вас тут происходит?!

Галина удивлённо уставилась на меня.

– О чём Вы?– спросила у меня женщина.– О чём?! Что не так?! Вроде бы, у меня в моей маленькой квартирке всё более, чем прекрасно.

– Да уж... а кто сегодня ломился в дверь?!

Женщина устало улыбнулась.

– Ребят,– сказала она.– Так это моя кошка, Муся. Она виновник того, что вы слышали.

Старушка достала из сумки чёрную кошку. Она вся ошестинилась и жалобно мяукала. Очевидно, она испугалась меня и Надьку- и мне вдруг стало смешно. Я, скептик высшего уровня, поверил в мистику, а оказалось, что это «мистическое существо»– кошка прошлой хозяйки квартиры...?! И всё вдруг встало на свои места. На ручку запрыгнула Муся и дёргала её, очевидно, издавая звуки, похожие на смешки... как же это всё до боли рационально! С души будто бы упал огромный камень, булыжник, будто давящий на грудь, не давая вздохнуть.

– Ну что?! Слишком мистическое существо?– женщина усмехнулась.

Я и Надя рассмеялись.

– Извините. Не сразу пришло в голову то, что это кот.– произнёс я.– Точнее, кошка. Простите, пожалуйста.

– Да, простите нас.–подхватила Надя.

– Ничего страшного.– отмахнулась Галина.– С кем не бывает!

– Просыпайся, просыпайся!

Надька будила меня, одновременно удушая подушкой. От последнего я и проснулся. В голову ударило ощущение осознанности, того, что мне придётся вставать и идти в институт. Это не могло не огорчить, но я быстро поднялся с кровати и с усилиями натянул на себя штаны и свитер.

– Ну и что?!– спросила у меня Надя неоднозначным то-

ном.— Так и будешь меня игнорировать?

— Никто тебя не игнорирует.— сказал я.— Просто ты меня чуть не убила.

— УБИЛА?! Да я слабо тебя толкнула подушкой! Лучше я уеду домой к маме, чем буду жить с тобой, придурок!

Эти слова глубоко ранили меня, и я, так ничего и не сказав, вышел из квартиры, взяв с собой рюкзак. Я глотал ком, который был в моём горле. Слезы подступали к глазам. Казалось, что сегодня я потерял всё, что только мог. Надька была единственной, кто был моей причиной жить, но сегодня, из-за одного маленького недочёта я поссорился с той, кто, казалось, был для меня ценностью...

— Ты из Галкиной квартиры?!

Глава 3 Заброшенная школа

Я услышал позади себя прокуренный голос. Обернувшись, я увидел какую-то женщину. Нахмурившись, она озлобленно разглядывала меня, и этот взгляд отдавался на моей коже мурашками. Он был холодный и невероятно странный. Я думал, что эта старушка едва держится, чтобы не убить меня на месте. Но я не мог долго думать. Не мог стоять на месте. Нужно было что-то ответить, и я сказал то, что первым пришло в мою голову:

— А вам-то что?!

Женщину этот ответ не воодушевил, и она подошла ко мне ещё ближе, после чего начала осматривать меня ещё сильнее. Казалось, она хотела увидеть во мне что-то, то, че-

го не видел даже я, и это пугало меня.

«Нужно будет поговорить с Галиной.— пронеслось у меня в голове.— Хочу, чтобы она перечислила мне всех сумасшедших жильцов этого дома...».

Из мыслей меня вытянул противный голос другой соседки. Она бубнила себе что-то под нос, но, как мне показалось в тот момент, абсолютно нейтрально отнеслась ко мне. В то время как женщина, разглядывающая меня, именовавшая себя Анной, как я понял по недолгому разговору её и другой старушки, даже не собиралась отводить от меня свой взгляд. И я бы уже мог быть в институте, если бы не то, что эта сумасшедшая держала меня за руку, да так крепко, что я бы, если б не чувствовал этого на себе, никогда бы не поверил в то, что старушки могут так сильно что-то сжимать.

Я взглянул на часы: уже десять минут я, как идиот, стоял в подъезде, не в силах противостоять низенькой женщине, которая, даже несмотря ни на что, была определённо слабее меня. Нет, это нужно было решать. И чем быстрее— тем лучше.

— Уберите свою руку! Иначе мне придётся применить силу!

— Уходи отсюда, прошу. Уходи быстрее...— шептала Анна.— Прошу... пока не стало слишком поздно— беги. У тебя ещё есть шансы!

— О чём вы?!

— Татьяна снова проснулась.

– К...кто?!

– Не важно. Уже пять лет её не видели, и тут... вчера ночью... никто ей не открыл... а твоя дверь была открыта... и я не знаю, что было дальше. Но ты выжил. И пока ещё не умер. Если хочешь остаться- выключи свет. Она ненавидит тьму.

– Вы свихнулись?!

Я попытался оттолкнуть женщину, которая, по моему мнению, уже окончательно слетела с катушек, но... Анна вцепилась в мою руку своими ногтями. По моему телу распространилась неприятная, жгучая боль, но я продолжал сопротивляться. Не хватало ещё, чтобы я опоздал в институт из-за какой-то чокнутой женщины с подъезда! Но она никак не отпускала меня, и тогда я, ощутив горькое чувство отчаяния и безысходности, иголкой впившееся в моё тело, прекратил сопротивление. Казалось, если я продолжу сопротивляться, то лишь усугублю ситуацию. И тогда я начал задавать вопросы Анне, пытаюсь втереться ей в доверие:

– А расскажите мне про свою жизнь! Про Вашу юность... мне очень интересно, кем Вы работали!!! Правда...

Но я не смог перевести тему нашего напряжённого разговора- скоро, через минуты две, Анна повернулась ко мне и тихо произнесла:

– Ты меня за дуру- то не держи. Я прекрасно знаю, что ты хочешь сделать.

– Отпустите меня...– попросил я, еле сдерживая желание послать эту Анну куда подальше, и оттолкнуть её, после чего

сбежать с места происшествия.

– Парень, ты из какой квартиры?!

– Из... сто сорок первой. Галина...

– Да я понимаю. Так я сразу и подумала. Эта сволочь уже два года как квартиру свою сдаёт... вот только не выживал там никто...

– То есть?!

– Каждый, кто заезжал туда, совершал самоубийство, либо умирал от передозировки... наркоманами становились, а вот... почему- не ясно. В плохих компаниях ни один из таких не состоял, но почему- то они умирали... знаешь, парень... а может быть, сбежишь ты, пока не поздно, а?! Куда-нибудь подальше отсюда... прошу тебя...

– Извините, Вы что, хотите напугать меня?!

Анна не ответила.

Ещё крепче сжав моё запястье, женщина затряслась, глядя в пол. Она рассказала мне о том, что в той квартире, в которой поселились я и Надька, были наркоманы- но понятнее от этого не стало. Мне было абсолютно плевать на прошлое этой квартиры, настолько, что я думала лишь о том, чтобы не опоздать в институт. На самом деле, если честно, иногда в голове всё же мелькали мысли о чём- то загадочном, потустороннем- но я не придавал им значения. В компании такой свихнувшейся старушки можно было бы подумать и не об этом... и я, отгоняя от себя все эти теории, ждал того прекрасного момента, когда я наконец смогу пойти в учебное

заведение...

– Ань, идём!

Голос послышался сверху, и старушка, яростно сжимающая мою руку, совсем забыла про меня и побежала по лестнице вверх. Я так простоял минуты две, пялясь в стену и недоумевая от того, что сейчас произошло. Но едва я увидел, что мне срочно нужно бежать в институт, я оставил эту затею и, как угорелый, понёсся по лестнице.

В институт я прибежал быстрее, чем думал. Войдя в нужную аудиторию, я увидел, что вся она была полна людьми. Там, как и в школе, были тихони, с которыми никто не хотел сидеть, и на них, пока их не обижали, я особого внимания не обратил... но была одна. Одна девушка, приковавшая к себе мой взгляд. Она сидела в телефоне, и, казалось, плакала. Жёлтые локоны незнакомки падали ей на плечи, а остальные волосы были растрёпаны, как от сильного ветра.

– Можно сесть с тобой?!– спросил я незнакомку, когда подошёл к ней.

Девушка удивлённо посмотрела на меня, словно впервые в своей жизни видела что-то вне своего мира. Но, когда мы с минуту поглядели друг на друга, её взгляд будто бы смягчился. На губах расцвела приятная улыбка, и незнакомка отложила свой телефон.

– Так можно?– сказал я.

Девушка лишь кивнула.

– Я- Лёня. А ты?!– произнёс я, пытаюсь начать диалог с

ней.

– Гм... Лина... – сказала моя новая знакомая. – У меня сегодня просто ужасный день...

– Что произошло?!

– Меня кинула подруга, узнав, что у меня на днях умерли родители, и я должна теперь... как-то жить без них... она сказала, что сиротки ей не нужны... но мне... мне самой трудно... жить без родителей...

– Мы с тобой очень похожи.

Лина надавила на самую болезненную точку моей души. Мне было слишком тяжело жить без родителей, без бабушек и дедушек – лишь с тёткой, которую я даже с большими усилиями не мог назвать родной. В этот момент, казалось, в Лине я видел себя. Маленького себя, видевшего, как мама висела на петле, а отец пытался её спасти... и отца, который, подключённый к капельнице и миллиарду трубочек, говорил мне о том, что безумно любит меня и не хочет расставаться со

мною... а дальше, два года детдома. Это время врезалось в мою память, оставив в сердце огромную рану.

Дети, потерявшие свою единственную поддержку – родителей, могут стать даже более жестокими, чем самые опасные убийцы и маньяки. Да, эти ребята в моём детдоме были порой даже очень, очень беспощадными. И я вспоминал это время с содроганием. Все они, считая меня, были несчастны, и всё это несчастье перерастало в ненависть ко всему миру. И я узнал Лину. Лина Сайро... Лина, над которой издева-

лись все в нашем детдоме... её загоняли в углы, заставляя делать самые омерзительные вещи. Этот ужас продолжался с Линой несколько лет, пока её не усыновили. И те, кто умер у неё несколько дней назад- не были её родителями... но почему я забыл её...?

Перед глазами пронеслись воспоминания: я подружился с Линой, когда нам обоим было шесть лет- и в этот год и умерли мои родители. Я первый заговорил с ней в один из дней, когда над ней издевались. Мы стали сплочённой семьёй, друзьями, братом и сестрой. Лина была единственной, кого я полюбил всей душой. Настолько, что готов был полностью обеспечивать её, если бы мог работать. Но потом... мы... расстались, и вот, теперь, наши судьбы вновь сплелись воедино. Вот, я слышу стук сердца Лины, вижу её улыбку- и не могу поверить, что моя давняя, почти забытая мною возлюбленная сейчас прямо передо мной. И я не знаю, чем заслужил это счастье, но одно понимаю точно- я люблю её. И не могу ничего с этим сделать...

Сколько мы так смотрели друг на друга- я не знаю. Но из моих размышлений меня вытянул голос лекторши- Валерии Андреевны, громкий и почти совсем бесчувственный:

– ВСЕМ ВСТАТЬ!

Я послушно поднялся со стула и, затем, по приказу Валерии, вновь сел на него. женщина начала что- то писать на доске, но я повернулся в другую сторону- к Лине. Она тоже ничего не писала, и лишь глядела в одну точку. Я лишь взял

девушку за руку, на что она испуганно взвизгнула.

– Эй... тише... тише...

– Лёнь, это ты?!– спросила Лина, словно ища во мне какую-то поддержку, как это было в далёком детстве.

– Да.

– Лекторша прийдёт нас, если узнает, что мы разговариваем...

Тут Лина замолчала, а потом, сжав мою руку, посмотрела прямо мне в душу. И вдруг она сказала то, что я сказать боялся:

– Эй... Лёнь, а ты как тут оказался?! Ты же... ты же говорил мне, что твоя тётя... она живёт в деревне...

– Ты меня вспомнила?!– спросил я.

– Я и не забывала.

Девушка улыбнулась.

– Я тебя тоже сразу узнал...– произнёс я.– Трудно забыть такую, как ты... к тому же, я любил тебя...

– Правда?!

– Да.

Перемена перед следующей лекцией наступила достаточно незаметно. Мы с Линой стояли в стороне от класса, и тут к девушке подошла пара её подружек, с которыми она весело стала о чём-то беседовать.

Я смотрел на Лину, нагло вздёрнувшую подбородок и недовольно сощурившуюся, и это демонстративное поведе-

ние очень разозлило меня- я взял девушку за плечи и встряхнул их. Совсем легонько, не желая, чтобы Лина заверещала на весь класс о том, что я собираюсь сделать с ней что-то нехорошее. Но всё же, девушка дёрнулась, скривила свой нос и губы с колечком пирсинга на одной из них, но, даже несмотря на то, что в глазах её плескались ужас и непонимание всего происходящего, своего надменного вида она не потеряла, лишь склонила голову и мотнула головой, обдав меня ароматом своих духов- это был лучший аромат, который я чувствовал в своей жизни.

Нервно сглотнув и поняв, что зря я начал придирааться ко взгляду бедной детдомовской девушки с навечно сломанной психикой, я было отступил на шаг назад, но остановился, сражённый взглядом Лины, который поменялся в одну секунду. Теперь она смотрела на меня иначе, будто бы... то-но? Так смотрели девчонки, которые «плыли» от какого-то парня, готовые висеть у него на шее и делать всё, что тот прикажет. У меня никогда не наблюдалось таких поклонниц, однако я часто видел толпы влюблённых по уши девчонок рядом со своими друзьями и одноклассниками.

И я, заволновавшись в себе и не найдя в себе ни малейшего желания разобраться в ситуации, наклонился и поцеловал Лину... неужели она ждала не этого, так многозначительно сверкая своими глазами...?!

Я закрыл глаза. Кто-то ещё мог сказать про пресловутые «бабочки в животе»?! Внутри меня бушевал раскалённый

ураган бешеной саранчи, в агонии бьющейся о мой живот. Но именно тогда я понял, что люблю ураган. Любое буйство природы.

Этот миг пролетел незаметно. Секунда- и Лина оттолкнула меня, нервно переводя взгляд с меня на удивлённых, но радостных подружек. Девушка, казалось, готова была взорваться от ярости, и я даже попытался извиниться, но Лина не приняла моих извинений.

– Он же идиот! И вы его не остановили?!– обратилась разъярённая девушка к своим подружкам.– Ну... что ж... вы с ним за одно!!!

– Лин...– попытался я что-то сказать, но меня перебила Лина:

– Ты сам этого не замечаешь! Если ты хочешь меня напугать- у тебя это получилось! Знаешь, я и не думала, что ты можешь быть таким бездушным!

– Правда?! Обернись!

Я обернулся, как и сказала Лина- но никого не увидел. Придя к выводу, что она окончательно слетела с катушек, я обнял девушку. Но та отпрянула от меня, посмотрев в мои глаза взглядом, полным ужаса и до боли знакомого мне чувства безысходности.

– Так, отойдите.– строго сказал я подружкам Лины.

Девчонки, тихо хихикая, отошли от меня и смущённой Лины. Теперь мы остались одни. Без всякой суеты... до начала второй лекции ещё десять минут. Я взял Лину за руку,

после чего обнял её и прошептал:

– Лина... что произошло?!

– Она достала меня... даже тут достала... даже здесь... – произнесла Лина, пока я вытирал слёзы, текущие из её глаз.

– Кто, милая? Кто достал?!

– Я не знаю, кто она... но она преследует меня... она успокоится лишь тогда, когда я умру... помоги мне...

– Кто она такая?

– Она родилась со мной и выросла. Думаешь, почему надо мной издевались...? Я не такая, как все... меня преследует какая-то женщина, ростом чуть меньше меня... это не моя мать. Маму я видела на фотографиях... это кто-то другой. Не мама.

– Но кто тогда?!

– Понятия не имею. Но однажды, когда я засыпала, она говорила мне своё имя... она назвала себя... Таня...

– Лин, у меня тоже были панические атаки...

– Это явно не они. Я видела её, когда мои родители были ещё живы. Когда всё было хорошо... а вчера она сказала мне про то, что... что... убьёт её... убьёт девушку... Надю Совкину.

– Это... это... этого быть не может!

– Почему?!

– Надя... это моя кузина... Надя Совкина... что же теперь делать?! Она не говорила тебе, в какое время убьёт мою Надьку?

– Нет... эй, не волнуйся. Если у меня психическое расстройство, то... то... твоя Надя останется жива! Ты сам мне говорил, что у меня проблемы с психикой. Панические атаки и что-то в этом духе... так вот...

– А что, если нет?!

Я и Лина вдруг замолчали, и в этой тишине я слышал лишь стук собственного сердца. После окончания занятий нужно было быстрее идти домой... но я боялся не успеть. Не успеть спасти ту, кто был мне дорог.

– Я отпущу тебя... правда... серьёзно... твоя кухня гораздо важнее, чем лекции... жизнь дороже всего. Серьёзно, я умею отпрашивать с занятий...!

Голос Лины прервал тишину мгновения, которое длилось целую вечность.

– Обещаешь, что поможешь мне?!

– Конечно.

Я спешил домой, дабы помочь Надьке. Но едва я отпер дверь квартиры... я почувствовал, как по моему телу пробежали мурашки. Ёлка, которую Надя пообещала сегодня нарядить (мы всегда наряжали её за несколько недель до Нового года), стояла на кухне... а на гирлянде, прибитой к потолку, висела Надька. Её взгляд... этот безумный взгляд я не забуду никогда: такой испуганный, жуткий, пробирающий до костей. По подбородку стекала алая жидкость, хоть Надя уже и была мертва. Нет, она не могла повеситься! Нет! Нет...

Надька всегда была жизнерадостным человеком, и поверить в то, что она умерла по своему желанию, я не мог.

И слёзы потекли по моим щекам. Чувства стыда и отчаяния смешались в моей груди комом. Я ощущал себя самым несчастным человеком на земле. Самым разбитым, и самым гадким... я бы мог успеть. Но... всё решилось само собой. Я стоял перед трупом Нади. Казалось, время остановилось. Надька смотрела будто мне в душу, словно проклиная меня за то, что я её не спас. И я сам ощущал, что совершил ошибку. Самую ужасную в своей жизни.

Я подошёл к окну и взял в руки телефон, дабы позвонить в скорую, напрасно надеясь на то, что Надьку спасут. Мои конечности безумно дрожали, и я не мог с этим ничего сделать. Время на часах: 20:02. Но для меня было всё ещё 19:50, когда я увидел труп Надьки... мой мир был навсегда разрушен, и я уже никогда бы не смог стать тем, кем был. Я умер внутри. Чувство стыда пожирало мою душу, впрыскивая, как самый ядовитый паук, туда свой яд. Паршиво, но я всё равно должен был справиться с этим. Отныне я не тот, кем был раньше. Отныне мне бы хотелось стать бесчувственным... но мысли путались, и все они были об умершей Наде. Я хотел бы её спасти. Возможно, это даже было в тот момент моим единственным желанием.

Я всегда любил свой родной город. Я тут родился и вырос. Этот город восхищал меня своей красотой... но теперь же я мечтал поскорее смыться отсюда, бежать куда угодно, лишь

бы не помнить ничего. Каждый сантиметр этой квартиры напоминал мне о Наде, и от этих назойливых мыслей нельзя было никуда деться. Надька была мне так дорога и я боялся потерять её, но теперь я должен был как-то жить без той, что была синонимом слова «жизнь»— моей жизни, и когда Надя умерла, я умер вместе с ней. Я мог бы думать о Лине в тот момент... но вся моя голова была опустошена, и я, лишь нервно стуча по подоконнику, глядел в окно.

Пока выносили труп моей кухни, я сел на пол. Поддавшись воспоминаниям, я почувствовал, как моё сердце будто бы ожило. Я ощутил невообразимое тепло и счастье, пока вспоминал время, проведённое вместе с Надькой. Звук едущих взад-вперёд машин завораживал. В голове вновь прокручивались надоедающие мысли.

Я не имел ни малейшего понятия, что мне делать. Мелькала в моей голове даже мысль о том, чтобы вернуться обратно к тётке, но я послал эту задумку куда подальше. Да, здравый смысл пересилил желание найти хоть какую-нибудь поддержку. К тому же, я был уверен в том, что тётка меня точно не поддержит. Я вообще никому не нужен. Есть ли кому-то дело на умирающего внутри парня, который всеми силами пытался доказать, что ему абсолютно плевать на то, что у него умерла кухня...?!

Нет, я должен был продолжать жить... несмотря ни на что. Не стоило бы надеяться на поддержку со стороны общества. Со своими проблемами надо справляться самому.

Из мыслей меня вытянул голос врача:

– Мы сделаем, всё что сможем. Она пока жива, но вряд ли проживёт не больше шести часов... простите, если мы ошибёмся.

На короткий миг время снова замерло, словно в узком коридоре остались лишь я и врач. Надежда, даже несмотря на всю нелогичность происходящего, грела мою душу. Надя не умерла- и это значило то, что ещё не всё было потеряно, что был ещё у моей Надьки шанс выжить- этот поистине замечательный шанс, который словно склеил осколки, на которое разбилось моё сердце, собрав их в одно целое.

Увы, этот до безумия прекрасный миг слишком быстро исчерпал своё, и вот, я уже шёл за носилками, на которых лежала Надька, сжав руки в кулак. Я дрожал всем телом, ощущая себя в западне. Казалось, секунда- и меня вновь настигнет отчаяние, но всё же, в глубине моего подсознания ещё горел ослепительный лучик надежды на самое лучшее. И, думая об этом, я даже не заметил того, как оказался на улице. Надю погрузили в машину Скорой Помощи, и я остался один. Удары моего сердца раздавались в ушах. Электрические разряды пробивали моё тело. Липкий страх сковал моё тело, и долгое время я просто пялился в никуда. В пустоту, туда, где я не видел ни своего прошлого, ни будущего.

– Лёнь, ты что, здесь...?!

Голос Лины заставил меня обернуться. Девушка, в тоненькой курточке нараспашку, стояла передо мной и удив-

лѐнно глядела на меня. Я подошёл к Лине и крепко обнял её. Эта девушка была моей единственной поддержкой, и лишь благодаря ей я не сошёл с ума, от того и хотел, чтобы она была со мной рядом, но не мог сказать ни слова. Моё сердце словно заполнило всю грудь. Кровь прилила к лицу. Нужно было начать разговор, и чем раньше- тем лучше. Мурашки пробежали по телу от одной только мысли об этом... ноги грозили подкоситься в любой момент. Не обязательно было блистать остроумием, достаточно было просто сказать что-то, просто банально поздороваться! Только бы не выставить себя идиотом.

Просто поздороваться! Хоть что-нибудь!

Ну же!

– Как дела?

Как дела?!

Мой голос прервал мёртвую тишину, которая убивала меня изнутри. Но от того, что я сказал какую-то ерунду, легче точно не стало. Скорее наоборот, я замешкался и попытался уйти, но Лина крепко сжала мою руку, после чего произнесла:

– Она умерла?!

– А ТЕБЕ ВЕСЕЛО?– спросил я.

– Нет... просто я... я хотела узнать, всё ли у тебя в порядке... серьёзно, я никогда в жизни не захотела бы делать тебе больно...

– Гм... конечно. Я бы тебе поверил, если бы не то, что ты

сейчас сказала.

Девушка отпрянула от меня, а потом обиженно села на скамейку.

– Как же я тебя ненавижу... – проговорила Лина.

– Взаимно. – произнёс я и сел рядом.

– Ты что, из моей бывшей квартиры?!

– Вряд ли. Думаю, что тебе всё это показалось.

– Нет, я точно видела, как ты заходил в 141 квартиру. Съезжай оттуда. Татьяна вновь проснулась, понимаешь?!

– Нет... подруга, кто проснулся?! Э-эй... милая... ты что, тоже сумасшедшая?

– Я знаю то, чего не знаешь ты.

Я рассмеялся, в ответ на что получил пощёчину от Лины. Взявшись за щёку, я взвизгнул. Мне показалось, что в этот момент я был явно похож на свою подругу, сидящую рядом со мной, когда та кричала от неожиданности в тот момент, когда я её поцеловал. Я же сейчас взвизгнул от боли. жгучая, она словно током ударила по моему телу, отчего я почувствовал, как мои руки покрываются мурашками. Щека горела, и я готов был уже заплакать от обиды, если бы не эти слова моей подруги:

– Знаешь, а бабушка, которая тебя остановила... она же видела её, Таньку эту... весь подъезд слышал её крик, вот только...

– Только что? – перебил я.

– Только... Анна не умерла... лишь только потеряла боль-

шой палец. Мы прозвали её «гниль» только потому, что те, кто видел Татьяну, умирали сразу же. Я совсем забыла о том, что она не может быть живой. Прости.

От этих слов холодок пробежал по моей спине. Удары моего сердца стали звучать всё громче, раздаваясь в ушах. Я никогда ещё не испытывал такого животного страха... ведь та, кто крепко сжимал мою руку- была призраком. Но я видел её, правда... я же не слышал стуков сердца этой женщины! Вполне возможно, она и вправду умерла... я приоткрыл рот, чтобы вдохнуть воздух, которого вдруг стало не хватать, пытаюсь совладать с телом, которое, казалось, совершенно меня не слушалось.

И вдруг мне пришлось забыть о своих чувствах, ибо на расстоянии не больше метра я заметил женщину. Вот только была она странной, не такой, как все: её отличала от других бледная кожа, одежда не по погоде, и, что самое главное... трупные пятна. Я узнал её- это была Анна. Противная и уродливая, она стояла на месте и, по всей видимости, даже не собиралась никого атаковать, но я, даже несмотря на относительную безопасность, схватил Лину за руку и забежал в подъезд. Мы быстро поднялись на нужный этаж и заперлись в моей квартире.

Пока я пытался отдышаться, Лина тихо плакала. Вскоре, когда ко мне вернулось осознание всего происходящего, я подошёл к подруге и сел рядом с ней. Хотелось бы увидеть на лице Лины улыбку, а в глазах- радость, а не грусть и рас-

терянность. Я сам безумно волновался, о чём говорило сердце, которое норовило выпрыгнуть из груди- но я бы не хотел, чтобы Лина испытывала то же, что и я. И именно поэтому я, прижав девушку к себе, произнёс:

– Всё в порядке... всё хорошо, милая... всё в порядке. Мы с тобой со всем справимся. Обещаю... только ты не пугайся ничего, ладно?!

Лина кивнула.

– Что это было?!– спросила она у меня.

– Не знаю. Возможно... Татьяна твоя...

– Это не смешно!

– Как это «не смешно»?! Татьяна... что такого в этой твоей Татьяне?

– Она... она... она жестокая убийца...была. А когда умерла- стала призраком. Теперь тот, кто увидит её и не успеет сделать пять шагов вперёд- умрёт.

– Она... убивает?!

– Да.

– Как?!

– Не имею ни малейшего представления об этом. Откуда я знаю, как она убивает?! Я с ней не встречалась...

– Хочешь, чай заварю?

– Нет, спасибо... я сегодня... напилась.

– ЧЕГО?!

– Мне восемнадцать, и я, на самом деле, спокойно могу покупать алкоголь. Я просто пытаюсь заглушить свой страх.

Мне на самом деле очень страшно. Говорят, что Татьяна раньше жила в твоей квартире... в которой ты сейчас живёшь...

– Послушай, это просто сказки! Страшилки, понимаешь?!

Девушка вцепилась в моё лицо ногтями, и я увидел, что она плачет. На грани между обычным плачем и настоящей истерикой, моя Лина впивалась ногтями в моё лицо всё сильнее и сильнее, но я не чувствовал боли. Совсем нет. Скорее даже, мне больше хотелось помочь Лине, чем отпихнуть её от себя. И я пытался обнять девушку, но она стала словно дикой кошкой. Я не знал, что с ней произошло, поэтому принял кардинальные меры...

– ЛИНА, УСПОКОЙСЯ!– закричал я.

Девушка убрала руки с моего лица и удивлённо уставилась на меня.

– Чего?! А что я сделала?!– словно издеваясь, сказала Лина.

– Не притворяйся. Просто скажи: ты хочешь меня убить?! Только честно... вдруг ты- это Татьяна?!– с иронией в голосе проговорил я.

– Нет. Не в этот раз... а я не знаю, что на меня нашло... возможно, я уже под влиянием Татьяны...

– Не говори ерунды.– отмахнулся я.– Всё с тобой в порядке.

Вдруг я услышал, как треснуло моё окно. Отпустив Лину, я, как ошпаренный, бросился к оконной раме, однако застать

хулигана мне не удалось. Улица была пуста, и лишь заброшенная школа, неподвижная, погружённая в ночную тьму, загадочно встретила меня своим пугающим молчанием. Но это сейчас волновало меня меньше всего. Я быстро перевёл взгляд на испуганную Лину, затем вновь на окно- после чего в темноте я и попытался разглядеть предмет, которым разбили стекло.

В какой- то момент я замер в недоумении: этим загадочным предметом был камень, булыжник, размером с футбольный мяч. Сначала я не поверил своим глазам, а мозг в это мгновение будто бы отключился. Я отказывался верить в то, что этот огромный камень кто- то смог докинуть до третьего этажа. Но факты были налицо. Не осталось сомнений, что произошло что- то невозможное, то, что было за гранью реальности. И это невозможное сейчас творилось со мной. В моей квартире! Не в ужастике, не где- либо ещё! Это происходило со мной, и я точно знал, что всё происходящее- не сон и не игра воображения- реальность. Треснувшее стекло тоже было реальным, но я всё ещё не понимал, как такое могло произойти. Подросток не докинул бы этот булыжник до моего этажа, а взрослый человек не стал бы заниматься такой ерундой... но всё же, кто- то ведь разбил моё стекло, и в голове моей прояснился один единственный вопрос: кто? Кто это мог быть...?!

Так я смотрел на оконную раму ещё минут пять, пока не почувствовал чьи- то руки на своих плечах. Испуганный, я

обернулся и увидел Лину. Девушка нервно переводила свой взгляд сначала на меня, а затем на разбитое стекло. Я лишь устало улыбнулся, не желая даже думать о том, кто кинул камень в моё окно. Мне бы хотелось оставаться скептиком, хотя я уже и не верил в то, что являюсь таковым. Но надежда была сильнее здравого смысла, поэтому я отвёл Лину от окна и усадил девушку на диван.

– Всё в порядке.– произнёс я.– Лин, хочешь, я в магазин сбегаю... что-нибудь куплю?! Только пожалуйста, не бойся ничего.

– Ты что, скептик?– удивлённо спросила Лина.

Я кивнул.

– Ничего, эта квартира поменяет твоё мнение на этот счёт...

– Как знаешь.– произнёс я.

Посмеявшись внутри над Линой, которая, очевидно, уже совсем съехала с катушек, я лишь улыбнулся. Не хотелось бы спорить с ней. К тому же, Лина сегодня и так уже переволновалась не меньше меня, и каждую мою проблему она переживала, как свою... да, она отчасти была сумасшедшей, но я готов был это принять. К тому же, мне бы хотелось быть с Линой, и я был рад любой её реакции на мои слова, лишь бы она произнесла что-то своим мягким, замечательным голосом. Да, я проигнорировал её слова, выкинув неприятные мысли из своей головы, а вместо этого сказал:

– Ну так что, мне идти в магазин?!

– Как хочешь.– произнесла Лина.– Имей ввиду, что мне абсолютно всё равно. Мне просто нужно успокоиться. Тут я чувствую себя в безопасности.

– Тогда... я сейчас вернусь, ладно?! И ещё одно... ты... употребляешь алкоголь...?

Девушка нервно сглотнула, после чего кивнула, посмотрев на меня своим уставшим взглядом.

– Если осудишь меня- я не обижусь... понимаешь, мы все тут его употребляем... так легче заснуть и не слышать ночные крики и стуки в окно... так ты чувствуешь себя защищённым. На самом деле, я это делаю для того, чтобы... отвлечься. В такие моменты я оторвана от этого мира, и это помогает мне не бояться. Но ты его не покупай. Если сможешь выжить без алкоголя- я буду гордиться тобой...

– Лина...

Я прижал к себе девушку, чувствуя, как сильно колотится её сердце. Я думал о том, что не могу осуждать её. О том, что люблю Лину, люблю её любой- и если она хочет употреблять алкоголь- пускай- главное, чтобы она сама была счастлива и более или менее здорова... мне совершенно было всё равно на то, употребляет она алкоголь, или же нет. Если бы я увидел, что её жизни что- то угрожает, то попытался бы помочь. Но пока не прошло время, когда Лина сошла с ума из- за смерти родителей, я решил не вмешиваться в её жизнь. Вместо этого я, крепко прижав к себе девушку, негромко сказал:

– Лина, я люблю тебя... любой. Правда, серьёзно... и я

всегда на твоей стороне...

– Не покупай алкоголь.– тихо проговорила Лина.– Я сегодня хочу жить в осознании всего происходящего ... рядом с тобой... я так рада, что мы с тобой увиделись. И то, что ты всё- таки успел...

– То есть?!

– Твоя Надька жива. Надеюсь, ты веришь теперь моим предсказаниям... она сейчас в больнице, и скоро совсем выздоровеет.

– Если ты не врёшь, то... это прекрасно!

– Я знаю... хотела сказать тебе раньше, но ты был напуган. Ладно уж, не буду тебя задерживать... иди... только возвращайся побыстрее.

Я улыбнулся Лине и, поцеловав её, вышел из квартиры. Сжимая ключ в руке, я быстро вышел из подъезда и направился к ближайшему магазину. Он был рядом с моим институтом- буквально в двух шагах от заброшенной школы, и мне не составило труда быстро дойти до этого магазина.

Вскоре я открыл дверь и зашёл в него. Это была маленькая комнатка, именовавшая себя магазином, в которой жутко чем- то воняло. Другого я и не ожидал, ибо квартиру покупал не в центре города, и был готов ко всему, и этот магазинчик, кстати, был гораздо лучше, чем я его представлял. Это не могло меня не обрадовать, и я, забыв про все сегодняшние неудачи, пошёл выбирать продукты. Набрав всякой разной продукции сомнительного внешнего вида, я подошёл

к кассе. Продавщица быстро сложила всю еду в пакет и я, не сказав ей ни слова, вышел из магазина и медленно пошёл к своей многоэтажке.

Вдруг я услышал визг из двора заброшенной школы. Проклиная всё и вся, я помчался на помощь тому, кто молил о помощи. Вскоре крик прекратился, но от этого легче не стало... в моём горле всё пересохло. Нервы натянулись, как гитарные струны- но я всё равно перелез через ржавый забор и, оказавшись на злополучном школьном дворе, спрятался за одним из кустов. Крик вновь стал слышен, только уже громче и пронзительней. Он разрывал мои уши, так, что я вскоре закрыл их. Удары сердца звучали так громко, что даже я, будучи с закрытыми ушами, слышал их. Я ощущал, как моя спина леденеет от ужасного предчувствия. Ещё бы- ведь рядом кричал ребёнок, кричал с такой неистовой силой, что мои барабанные перепонки готовы были разорваться в любую секунду.

И вдруг я замер. По спине покатались капельки пота, а по телу побежали мурашки: я увидел капли крови. Казалось, я пробежал многокилометровый марафон, и теперь пришёл сюда... но отступить было нельзя, и я принялся смотреть, что будет дальше.

А дальше я чуть не потерял сознание от увиденного: на школьный двор выползла женщина. В чёрной ночной рубашке, с короткой стрижкой, она совсем не отличалась от обычного человека... но волновало меня то, что... СЕЙЧАС БЫ-

ЛА ЗИМА! Зима, не лето, когда человек спокойно мог выйти в подобной одежде и не умереть от обморожения... но эта женщина, казалось, совершенно ничего не чувствует.

Вдруг я почувствовал что-то мягкое и влажное под своими ногами. В полутьме я не сразу понял, в чём дело, но вскоре осознание больно ударило в голову: мои ноги... они... наступили на труп! В ужасе я отпрыгнул оттуда и увидел, как из области груди текла алая жидкость. Это был ребёнок, с которого сняли кожу лица, словно аккуратно отрезали её скальпелем, и теперь вся голова этого несчастного была в крови... и я закричал. Такой крик издаёт человек, падающий с крыши многоэтажки. Крик боли, страха и отчаяния. Возможно, этим ребёнком был тот, чей крик я слышал совсем недавно... и от того, что я не смог его спасти, мне становилось больно. И стыдно.

Женщина остановилась. Страх овладевал мной, а сердце предательски барабанило в груди. в какой-то момент в темноте начало проглядываться ещё одно очертание незнакомого мне человека. Его тащила уже знакомая мне женщина. Сомнений вскоре не осталось- это был точно ребёнок. И я знал, какая участь его ждёт, но не мог вылезти из своего укрытия. Меня парализовал страх. Внезапно я услышал тихий смешок. Смеялась та самая женщина, после чего стала говорить о чём-то сама с собой. Мне было безумно страшно видеть всю эту картину, и я сидел неподвижно, почти не дыша. Мою грудь разрывало от давления, а голова страшно

пульсировала. И я, вглядываясь в тьму, заметил, что ребёнок был мёртв. Это была девочка, лет семи- восьми. У неё также не было лица, как и у того, что лежал тут, рядом со мной. И вдруг... женщина кинула девочку на землю и устремила свой взгляд на кусты, где лежал я. Она остановилась и словно улыбнулась мне, а затем вновь перевела свой взгляд на землю. Взяв лопату, она быстро вырыла яму, положила в неё девочку и вновь, вновь посмотрела на кусты. Моё сердце в этот момент, казалось, пропустило удар, а в горле всё пересохло.

Но дальше произошло то, что мне, наверное, будет снится в кошмарах целую вечность: женщина ещё долго пялилась на кусты, а потом вновь улыбнулась и произнесла то, от чего по моей спине пробежал холодок, а руки покрылись мелкими мурашками:

– Не бойся меня. Выходи! Выходи... не переживай!

И я схватился за грудь, боясь, что моё сердце своими мощными ударами вот- вот пробьёт рёбра. Голова закружилась, а от новой волны страха я чуть не потерял сознание...

– Выходи, выходи, выходи!– шептала женщина, а потом её шёпот вдруг перерос в яростный крик:– **ВЫХОДИ, СВОЛОЧЬ!**

Вдруг она быстро двинулась ко мне, а я принял жалкую попытку броситься к выходу. Но она не увенчалась успехом, и я мгновенно был настигнут этой тварью, призраком- или кто это был- но точно не настоящей женщиной. Существо в образе милой женщины средних лет подняло меня над зем-

лэй, после чего кинуло меня к забору. Я почувствовал адскую боль, пронизывающую насквозь всё моё тело, но тварь не сдавалась и снова потянула меня к себе, чтобы лучше рассмотреть. Это был тот самый момент, и я, воспользовавшись им, достал из кармана нож и воткнул существу в глаз. Послышался нечеловеческий крик и рычание. Тварь пустила меня и начала метаться по школьному двору, держась за глаз, из которого вытекала жидкость, похожая на смолу. Ярость переполняла существо, но мне было на это наплевать. Секунда- и я уже бежал со школьного двора, крепко сжимая пакет в одной руке, а ключ- в другой.

Забежав в квартиру, я, закрыв дверь, сел на пол и заплакал. Дрожь в руках даже не думала проходить, однако, когда я увидел Лину, подбежавшую ко мне, я вмиг взял себя в руки. И даже несмотря на колотящееся сердце и сбивчивое дыхание, я всё равно попытался казаться спокойным. Мне бы не хотелось огорчать Лину, но по её взгляду было ясно, что она всё поняла даже без моего рассказа.

– Ты видел её?– спросила у меня девушка, сев рядом со мной.

– Кого?!

– Татьяну. Ты думаешь, кто детей закапывает?! Мне не хотелось пускать тебя ночью, но... ты сам пошёл. К тому же, я думала, ты и так всё понял... в общем, пойдём на кухню, и я тебе всё расскажу, ладно?

Я кивнул, и мы молча направились в кухонную комнату.

– Видишь ли,— говорила Лина, пока я делал нам чай, а она вытаскивала из пакета все мои покупки,— раньше Таня была гораздо лучше. Я помню её перед смертью... и мне так больно называть её тварью...

– Но она же убийца, разве нет?

– Она была такой в молодости. Так вот, теперь она такая же, вот только... убивает только детей. Взрослых она не тронет, лишь только если они увидят ритуал закапывания...

– Ритуал... закапывания...?

Лина кивнула.

– Ты видел его.— сказала она.— Тот момент, когда эта сволочь закапывает детей. В землю. На территории заброшенной школы...

– Но откуда ты знаешь, что я видел?!

Девушка усмехнулась.

– Понимаешь, я тут не первый год. И я встречала молодых людей, которые прошли через этот ритуал. Ты... не доверяй никому. Никому не доверяй. Все они- мертвы.

– ТЫ О ЧЁМ?!

– Все они, те, кто живут в этом доме- нереальны. И мои подруги, и наша лекторша- все они мертвы. Все те, кто жил в этом доме- они умерли. Меня спасли родители. Но ты один. И она найдёт тебя. Ко мне она приходит во снах, но неизвестно, что будет...

– ЗАТКНИСЬ! ЭТО ВСЁ НЕПРАВДА! ТЫ МНЕ ЛЖЁШЬ...!

– Я думала, что ты согласишься мне.

Лина посмотрела на меня бесчувственным взглядом и вышла из моей квартиры, даже не выпив чаю. С секунду плясая на дверь, я вскоре закрыл её и упал на диван. Весь изнеможённый и до безумия уставший, я мечтал лишь о том, чтобы заснуть. Мне так не повезло с сумасшедшей однокурсницей, но после ссоры с ней моя голова болела до безумия сильно, а сердце словно разрывалось от безумной боли. Естественно, я не верил Лине. Я считал её слетевшей с катушек, но... я любил её. И не мог заснуть. Перед глазами мелькал образ подруги, и по моим щекам текли слёзы. Боль пронзала меня от затылка до ног, проходила вдоль всего позвоночника, заставляя меня всякий раз сжиматься от этой горькой пытки. Перед глазами всё расплывалось. Голова страшно кружилась, и я, сжавшись в комок, лишь лежал на диване, и чувствовал, как по моим щекам текут тёплые слёзы.

Вдруг я почувствовал, как воздух вдруг стал тяжёлым. Тишина вдруг стала пугать меня, и я, держась за голову, последовал к окну. И, если честно, в тот момент у меня чуть не остановилось сердце: на земле лежал труп. Труп мальчика. А на к его лицу... было пришито лицо. Лицо одной из подруг Лины, которых я видел сегодня. Я, как заморожённый, смотрел на всё это, пока не прочитал надпись на одежде этого ребёнка:

«Ты следующий».

Я отпрянул от окна, слыша на улице крики. Нет, это не

мои проблемы. Я должен был спасти свою жизнь... нужно было позвонить Лине и предупредить её. Срочно. Я нервно набрал номер подруги и... и послышались гудки.

Сначала мелькала мысль зайти в квартиру к Лине, но я не знал, где она живёт, и я просто побежал в свою комнату и заперся там. Я слышал, как с грохотом разбивается моё окно, а затем... смешки. Те самые, которые я слышал прошлой ночью! Они были убийственно страшными, и сегодня, когда я увидел происходящее на школьном дворе, мне было страшнее раза в два, если не больше. И я слышал, как эта тварь царапает пол. Теперь я знал, откуда это... но от такой информации мне не становилось легче, скорее напротив, это убивало меня изнутри... пожирало, словно забирая из меня жизненную энергию. Но я не мог. Не мог сопротивляться этой твари. И я просто сидел, прижимаясь к двери, рыдая и зажимая рот руками, чтобы не закричать.

Вдруг всё прекратилось.

А потом началось по нарастающей. Существо разбивало тарелки, я слышал, как оно переворачивает мебель, как смеётся над моей беспомощностью... но я в самом деле был беспомощен, и мог лишь надеяться на то, что какими-то возможными или невозможными способами тварь не достанет меня. Я знал, что это конец... но ничего не мог с этим сделать. И я чувствовал, как... теряю сознание от страха.

Глава 4 Смерть

Не помню, как прошла ночь. Но я проснулся разбитый,

как вся посуда в кухне. Протирая глаза, я подобрал с пола телефон и набрал номер Галины. Сегодня я был в ярости от того, что эта сволочь ничего мне не рассказала о квартире и об этом доме!

– Алло?! – раздался голос Галины.

– Я НЕ УМЕР, ПРЕДСТАВЛЯЕТЕ?! – пытаюсь подавить в себе желание послать эту женщину куда подальше, произнёс я.

– Молодец.

– ОНО ДОСТАЛО МЕНЯ!!! НО ВЫ МЕНЯ К ЭТОМУ НЕ ПОДГОТОВИЛИ!!!

– Кто?! Да Вы бредите!

– ОТКУДА У ВАС КОШКА? СТЕНЫ И ПОЛ ЦАРАПА-ЛА ЯВНО НЕ ОНА! ЭТО ВЫ ВСЁ ПОДСТРОИЛИ, ДА?! ПРАВИЛЬНО, ВЫ! НЕ ОТВЕЧАЙТЕ!

– Успокойтесь!

– Не могу. Из-за Вас я сегодня чуть не сдох! Я мог сегодня не проснуться!

– Да о чём Вы?

– Татьяна. Знаете такую?!

– Откуда... то есть... кто это? Я такую точно не знаю.

– ВЫ ТОЖЕ МЕРТВЫ, КАК И ВСЕ? ВЫ ТОЖЕ УМЕРЛИ?

– Нет... я жива.

– Но почему Вы захотели продать квартиру? И почему такая недорогая цена! Обычно квартиры стоят куда дороже...

и почему я сразу этого не заметил, идиот! Я же сразу мог догадаться... какой же я... дурак! А Вы воспользовались этим.

– Мне придётся всё тебе рассказать...

– Я уже всё знаю!

– А ты знаешь, что Таня- это моя... моя дочь? И убила она меня самой первой. Но никто тут не умирает. Из- за буквы «Т», которую образует каждый коридор квартиры в этом доме.

– Этого не может быть... нет, не может!– закричал я.

– Вполне может. Ладно, не буду тебя задерживать. Лишь скажу тебе, что тут мертвы не все. Но ты не... не поймёшь, кто жив, а кто- нет.

Послышались гудки. В отчаянии я кинул телефон на пол и попытался закричать, но у меня не получилось. Крик застрял где- то в горле. Ощущение безысходности огромной иглой вонзилось в моё сердце. Но я не мог застрять в пучине отчаяния. Я нужен был Лине. И Надке. Я не имел права их бросить. Мне нужно было бороться до конца. Как угодно, но бороться. Нет, я не должен был злиться на Галину, возможно, утопая в таких несчастьях, я бы сам так сделал. Но пока не хотел... нужно было освободить этот дом от кошмара.

Я закрыл глаза на секунду, и меня окружила кромешная темнота. Не хотелось их открывать. Вообще ничего не хотелось.

Но я встал с пола и поднял разбитый телефон. Повернув дверную ручку, я вмиг оказался в коридоре и, взяв рюкзак

и надев куртку, вышел из квартиры. Все люди, которых я встречал в этот день, смотрели на меня презрительно, так, что моя спина невольно холодела от этих взглядов. Когда я вышел из подъезда, то увидел трёх бабушек, сидящих на скамейке. Они о чём-то бурно разговаривали, но мне нужно было от этих женщин лишь одно...

– Извините... – произнёс я. – Не подскажите...

Но я не успел договорить.

– УХОДИ ОТСЮДА, ПОКА НЕ ВЫГНАЛИ! УХОДИ, УХОДИ, УХОДИ, УХОДИ! Виновник, и так всё знаешь... она снова проснулась... – говорила одна из старушек.

Я быстрым шагом пошёл к институту, всё ещё недоумевая от того, что тут происходит. В голову закрадывались нехорошие мысли, и даже когда я отгонял их от себя, то всё равно вспоминал, как старушка вцепилась в меня и умоляла уйти. Мои руки пробивала дрожь, лишь когда я думал о том, как повесилась Надька... но месяцам свойственно заканчиваться, и оплаченный месяц входил в это число. От этого стало чуть легче.

Когда я зашёл в аудиторию и сел рядом с Линой, меня ждала ужасная новость: Надю не смогли спасти. У неё остановилось сердце. И после услышанного у меня, по ощущениям, тоже. Хотелось бежать. Бежать куда угодно, лишь бы не чувствовать этой боли. Такой горькой и мучительной,рывающей моё сердце на тысячи мелких кусочков. Что я чувствовал?! Не знаю. Боль, грусть... может быть, даже отчая-

ние- но на грудь давило ощущение одиночества. Я чувствовал себя одним во всём мире. Тяжесть, боль от потери, убивала меня, не давая вздохнуть. Этот ком появился совсем недавно и продолжал расти, занимая в сердце все больше места, так что теперь даже малейший вдох причинял мне страшную боль. В голове была пустота. Я не мог ни о чём думать. Мне было больно и безумно одиноко. Эти гнетущие чувства словно сжирали меня изнутри. И я не знал, что делать дальше.

По моим щекам потекли слёзы. Лина обняла меня, но я не чувствовал этих объятий. Сейчас я хотел, чтобы меня обняла лишь Надька. Моя Надя. Девушка, которую я очень сильно люблю... больше, чем кого-либо ещё. Этот горький вкус потери комом застрял в моём горле, не давая мне шанса закричать. Я бы не хотел, чтобы Лина ощущала его... но я так же не мог сдерживать свои слёзы. Казалось, что потеряв Надьку, я потерял всё, что когда-либо у меня было. словно прямо сейчас я шёл ко дну, и у меня уже не было шанса выжить. Постепенно я чувствовал, как впадаю в безумное отчаяние, и это я не мог контролировать.

Глава 5 Самая жуткая ночь, или выживание

Я сидел на первой лекции, но никого не слушал. Зимние птицы резвились на ветках, но меня не интересовала зимняя красота. Я думал лишь о Надьке, о девушке, за которую готов был отдать жизнь... но я потерял её. Я не успел помочь ей. Можно считать, что её смерть- моя вина. Но у неё был

шанс выжить, и из состояния радости я медленно перешёл в отчаяние и грусть. Это падение было болезненным, но ещё более ранящей меня была вина. Вина и стыд из-за того, что я не спас Надю...

– Эй, ты её слушаешь?!

Лина толкнула меня локтём.

– А? Да, конечно... ты тоже слушай. Я с тобой заниматься потом не буду, это я тебе точно говорю.– произнёс я и улыбнулся.

– Не притворяйся. Я знаю, что тебе больно.

– Нет, что ты. Мы с Надей в близких отношениях никогда не были. Так... просто друзья.... Родственники, которым нужно жить вместе. Но поверь- мы никогда не были близки. Я серьёзно. Ни-ког-да.

– Ты... ты меня разочаровал. Ты бесчувственен.

– Возможно. Но я не буду убиваться из-за неё, понимаешь...?

– Я по твоим глазам вижу, что ты... что тебе больно.

– А тебе бы не было больно, если... если бы у тебя умер самый близкий человек в твоей жизни...? У тебя умерли родители, которых ты любила. Разве ты не можешь понять меня?! Я думаю, что мы отлично понимаем друг друга...

– Да, но почему ты мне солгал?!

– Я бы не хотел думать о смерти Нади...

– ТАК, ВЫ О ЧЁМ РАЗГОВАРИВАЕТЕ?– послышался позади нас голос лекторши.

Повисла гробовая тишина, в которой я мог различить лишь стуки собственного сердца. По телу пробежали мурашки. Меня словно ударило током, и эти электрические разряды пробежали по телу. Мне стало очень страшно, но вместе с тем в голову почему-то ударил адреналин, и я решил заступиться за Лину:

– Извините, но это я заставил её поговорить со мной. Лина достаточно сильно любит Ваши лекции, поэтому не стала бы общаться со мной. А вообще... мы уже взрослые люди, и можем обмолвиться парой слов.

– Лёня... значит так: если ты начал разговор, то ничего страшного. Но если Лина-то... это... это для тебя, моя дорогая, закончится плохо.– произнесла лекторша.

– Нет, разговор начал точно я.

– Тогда... Лина, ты избегаешь наказания. Всё, продолжаем лекцию!

Теперь я уже сосредоточенно писал всё, что говорила и писала лекторша. Не хватало ещё вылететь из института. Впрочем, из-за происходящего в моей жизни мне совершенно не хотелось учиться и я, не думая, о чём пишу, строчил что-то в своей тетради для записи лекций. Неимоверно хотелось прийти домой и уснуть, не думая ни о чём. Ком в горле с каждой секундой рос всё сильнее и сильнее, и я чувствовал, как воздух становился всё тяжелее и тяжелее. Что-то яростно давило на грудь, не давая вздохнуть. Но мне нельзя было подавать виду, что я чувствую себя плохо. Мне бы не

хотелось, чтобы остальные думали, что я слаб. Но моя бледность и трясущиеся руки выдавали то, что боль медленно убивала меня.

– Ты в порядке?– спросила у меня лекторша.

Я кивнул. На то, чтобы что-то отвечать ей, у меня не было сил. Казалось, что я скоро потеряю сознание.

– Ты точно нормально себя чувствуешь?!– произнесла Лина.

– Да... слушай, не бери в голову. Это всё тебя не касается. Совершенно ничего тут от тебя не зависит, и я не шучу.– сказал я и приобнял девушку, желая её хотя бы немного отвлечь от дурных мыслей.– Давай так продолжать писать?!

– Давай.

У меня, с моим гигантским почерком, за половину урока было исписано десять тетрадных листов. Моя рука устала, но по-другому не мог никто из нас. Эта игра была жестокой, но раз я уже решился на неё, значит нужно было идти до конца.

И вот, прозвенел звонок. Лина вновь встретила со своими подружками. Я слышал, что они разговаривают про то, что пойдут гулять вместе. Я вновь почувствовал сильное одиночество от того, что девчонки идут гулять... а меня ни разу никто не звал на прогулку. Пару раз я проявлял инициативу, но подстилаться ковриком под кого-то мне не особо нравилось. А так, никто, никогда, не приглашал меня погулять. И от этих мыслей на мои глаза навернулись слёзы, и я инстинктивно отвернулся от Лины и её четырёх подружек.

Вдруг всё стихло. Эта тишина пугала меня. Я готов был слышать разговоры девчонок про их прогулку, лишь бы не слышать эту мёртвую тишину, которая резала мои уши. Молчание, казалось, в тот момент было гораздо страшнее, чем крик. Было ощущение, что в этой тишине кто-то притаился и смотрел на меня. А все просто глядели на этого «кого-то», не в силах произнести что-либо.

Но Даша, лучшая подруга Лины, вдруг, неожиданно, прервала молчание своим звонким, приятным голосом:

– Девчонки, ему плохо!

– Глупости!– отмахнулась Лина.– Он мне сегодня говорил, что всё хорошо... и не стоит вообще волноваться.

– Лина... ты не понимаешь. Вряд ли он сказал бы тебе о своём самочувствии... вот ты, например, сказала бы, что тебе плохо?

– Не знаю.

– ВРЁШЬ, НЕ СКАЗАЛА БЫ!

– Девчонки...– проговорил я.– Всё нормально, я серьёзно. И я бы сказал Лине, что мне плохо, если бы так всё и было...

Даша негромко засмеялась, а после подошла ко мне и шёпотом сказала:

– Они все мертвы.

От её слов холодок пробежал по моему телу. На лбу выступил холодный пот. В груди образовался комок от животного ужаса. Страх не позволял мне ничего делать. И я почувствовал, как мои руки опускаются, и я, словно парализо-

ванный, сидел и удивлённо глядел на Дашу.

Через очень короткий промежуток времени Дашка всё же начала что-то делать. Для начала осмотревшись, девушка потащила меня куда-то, пока я пытался вырваться. И откуда у восемнадцатилетней девушки была такая сила, я не знал, да и меня особо это не волновало. Гораздо большее внимание я уделял тому, куда именно мы идём. А шли мы... к выходу из института. Девушка быстро выпрыгнула на улицу, а я побежал за ней.

– НУ И ЧТО ТЫ СДЕЛАЛА?– спросил я, отдышавшись.

– Эй, не расстраивайся и не волнуйся. Я просто хочу помочь тебе.– сказала девушка и схватила меня за руку.– Просто выслушай меня и не... и не... посчитай меня сумасшедшей, ладно? Я не хочу тебе зла. Мне ты не нужен.

– Ну и что? Что тебе от меня нужно?

– Я хочу предупредить тебя. ИХ можно определить по трём признакам: речь, движение, цвет кожи... это основные. Если не побоишься, то четвёртым будет... стук сердца. Но они могут не дать тебе этого сделать.

– ТЫ О ЧЁМ, ДУРА?

Даша улыбнулась.

– О тех, кто живёт в твоём доме. Уверена, ты всё знаешь. Лина мертва. Её убили собственные родители. Но они убили её рядом с выцарапанной на полу буквой «Т». Да, такая форма и у коридорного пространства, но... но на одной из стен есть эта буква. Если ты умрёшь, прислонившись к ней,

то обретёшь бессмертие.

– БЕССМЕРТИЕ?

– Вот только... ты будешь убивать живых. А, точнее, людей от пяти до девятнадцати лет. Ты вполне можешь быть убитым одним из них. Стариков и старушек они не трогают. Они питаются жизненной энергией.

– Чего...?! А ты... ты умерла?

– Не знаю. Я не помню того, умерла я, или нет. Но я подрабатываю риэлтором, и у одной старушки, живущей в этом проклятом доме, всё это я и узнала.

– Дай угадаю... эту старушку зовут... Галина...?

Даша лишь кивнула.

– Почему ты не сказала мне раньше? Почему молчала? – произнёс я и глянул в изумрудные глаза Дашки.

– Она придёт, чтобы убить тебя. Придёт сегодня. Ты должен ждать. Не смей, не смей спать! Она перережет твоё горло, пока ты будешь спать. Раньше говорить тебе об этом всём у меня не было желания, к тому же, беда была очень далеко.

– Беда?!

Девушка взяла меня за руку. По её щекам потекли слёзы. Я тоже почувствовал её боль, и мне не было страшно от слов Дашки. Скорее, где-то глубоко в подсознании я был уверен в том, что всё так и будет. Знал, что меня хотят убить. Но не мог позволить себе думать об этом. Да, возможно, это даже странно, но так я защищал себя. Теперь же, когда у меня появилось полное осознание происходящего, я лишь успокаиваю

вал Дашку и, казалось, даже забыл про свою квартиру и про то, какую опасность она таит в себе. Возможно, это было даже к лучшему.

– Даш, Даша... не плачь, пожалуйста.– говорил я.– Скоро начнётся вторая лекция. Нам нельзя пропасть до её окончания... правда...

– Ты даже не знаешь, что тебя ждёт...– произнесла Даша.– А я даже не знаю, как тебе это объяснить...

– Скажи мне, что происходит- и я отстану.

– Сегодня... ты должен закрыть все окна и двери. Наглухо. Зашторь окна и спрячься под кроватью или в ванной. Твоя квартира принадлежала Татьяне. Она будет пытаться выгнать тебя из дома, но ты не должен поддаваться. Первый признак того, что она в квартире- это смех. Думаю, ты его уже слышал. Одну ночь мне не посчастливилось остаться там ночевать. И я всё узнала. И помни о том, что ты не должен издавать ни звука. Бежать бесполезно. Она быстрее любого человека, Лёня. Пожалуйста... помни... я не хочу тебя потерять.

Девушка приблизилась ко мне, и я встретился с ней взглядом. Дашка была беззащитной, словно маленькой девочкой. Я будто бы ощутил ответственность за неё, в последствии чего в голову ударил адреналин. Такой сильный, что она начала бешено пульсировать. Даша же, не долго думая, приблизилась ещё ближе и... поцеловала меня. Я отпрянул от девушки, чувствуя, как сердце готово выпрыгнуть из груди. Я

ощущал ком страха, застрявший в горле. Я не любил Дашку. Неужели она решила подшутить надо мной...? Если так, то это ужасная шутка!

Я быстрым шагом направился к аудитории. Голову заполнили нехорошие мысли. Смерть Надьки больно ранила моё сердце. И то, что Лина оказалась мертва, убивало меня. Казалось, я был самым несчастным человеком на свете. Я потерял всё. Всё, что мне было так дорого. Всё, что я любил и берёг, как хрустальную вазу. Всё это исчезло в один момент. Утонуло в пучине боли и отчаяния. Это сводило с ума. Хотелось жить дальше, но без Нади и Лины я потерял значение слова «жизнь»...

– Лёня, почему ты меня бросил?!

Я вздрогнул от неожиданности. Обернувшись, я увидел Дашу и пошёл быстрее, но девушка схватила меня за руку и повернула к себе.

– Я что, не нравлюсь тебе?! Скажи... скажи... скажи... Лёня... я надеялась на то, что мы встретимся. Но не так представляла нашу встречу.

– КТО ТЫ ТАКАЯ?

Девушка улыбнулась, а затем прижала меня к себе.

– Просто... единственная живая душа в аудитории.

– ЗАТКНИСЬ! ТЫ ВРЁШЬ МНЕ!

Голос Дашки показался мне самым ужасным из всего, что я когда-либо слышал. И мне не стало жаль девушку, когда я толкнул её. Мне не было грустно от того, что Даша завопила

на весь институт, как ей больно. Она настраивала меня против Лины. Я знал, что Лина жива. Она точно не умерла... в ней было что-то прекрасное, живое. То, что заставляло меня жить. А Дашка... она просто...

– Ты стерва.– произнёс я, смотря на Дашку.

Из глаз девушки брызнули слёзы.

– ПРИДУРОК, Я ВЕДЬ ВСЕГО ЛИШЬ ПОМОЧЬ ТЕБЕ ХОЧУ!– закричала она, держась рукой за ушибленное колено.

– Странная помощь, Даш.– произнёс я и ехидно улыбнулся.

Я не чувствовал, как зашёл в аудиторию. Я не знал, врёт ли Дашка, но расстраивать человека для меня было тоже слишком больно. Я бесцельно ходил кругами по комнате, не меньше часа, обдумывая жуткую ситуацию, в которой я оказался, но так и не нашёл выхода из этой западни. Я не знал, правда ли слова Даши, или нет, и эти сомнения сводили меня с ума. Наконец, уже в полуобморочном состоянии, я всё-таки доплёл до места, где сидели я и Лина, после чего плюхнулся на стул. Когда Лина пришла в аудиторию и села рядом, она как раз набирала номер Дашки, ожидая ответа, но вскоре, когда она увидела меня, бросила эту затею. Бросившись мне на шею, Лина крепко обняла меня, не сразу заметив, что я сижу, безвольно опустив руки, в полной прострации.

– ГОСПОДИ, ЧТО ОНА С ТОБОЙ СДЕЛАЛА!– воскликнула Лина, крепко сжимая мои ладони.– Я прямо сей-

час с ней поговорю!!!

– Всё в порядке. Можешь не беспокоиться. И вообще, хватит подлизываться.– произнёс я.

Как я вообще мог сказать такое...?

– Лина... Лина... прости...– попытался оправдаться я.– Я не хотел... правда.

– Всё в порядке.– сказала Лина.

– Прости.

Я поднял подбородок девушки и улыбнулся ей. Взгляд Лины показался мне отталкивающим, наполненным злобой и отчаянием. Но быстро я выкинул эти мысли из головы. Я очень сильно любил Лину, и даже если бы она на меня обиделась, я готов был изменить абсолютно всё, сделать всё возможное и невозможное, чтобы сделать Лину чуть счастливее. И я решил признаться ей в том, что держал в себе, надеясь, что это лучший вариант для того, чтобы она вновь развеселилась и стала такой, какой была прежде...

– Я люблю тебя.– произнёс я.

Лина с недоверием посмотрела в мои глаза.

– Идиот.– произнесла она.– Я не настолько глупа, чтобы поверить тебе. Куда ты уходил с Дашей, объясни мне!

Последние слова девушка сказала, словно крича, надрывая свой голос. Видеть волнение Лины для меня было чем-то невозможным, каким-то безумием... и мне бы хотелось успокоить её, если бы я не посмотрел в глаза Лины и не увидел там злость, и не понял того, как кожа её стала мертвец-

ки- бледной. Тогда я и поверил словам Даши и понял, как я влип. Лина, возможно уже мёртвая, смотрела на меня, готовясь убить меня, задушить перед нашими однокурсниками... но я влюбился так сильно, что не замечал этого. Казалось, я умру, если Лина оставит меня. Я жил ею и у меня было ощущение, что моя жизнь оборвётся, если я вдруг забуду эту девушку.

Нет, не может быть того, что она мертва! Не может жизнь быть так жестока со мной... если я потеряю ещё одного близкого человека... нет, я даже представить не могу, что так будет. Вряд ли Лина умерла... я не могу в это поверить.

Я подошёл к Лине и обнял её, пытаюсь успокоить её, облившуюся на меня. Я ощущал, что сжимаю хрустальную вазу, такую драгоценную и прекрасную. И я не мог разбить её. Я держал Лину, боясь навредить ей, причинить даже малейшую боль. Я не мог допустить такого. И я, приблизившись к лицу девушки, снова поцеловал её, а затем, когда мы на какое-то время оторвались друг от друга, шёпотом произнёс:

– Знаешь, Лина... Даша сказала мне, что ты мертва. Но это невозможно... я чувствую в тебе жизнь... нет ничего в мире прекраснее и чувственнее тебя. Ты не... не мертва. Я не верю в это, и знаю, что это не так.

– Почему Даша хочет разлучить нас? Почему считает, что так будет лучше?! – сказала мне Лина.

– Я не знаю. Догадываюсь, что это банальная ревность.

– Банальная?! Ты относишься к ревности, как к чему-то

банальному?!

– Нет, что ты... – я усмехнулся. – Видя, как ты сгораешь от ревности, невозможно даже предполагать, что ревность- это что- то обыденное.

– Сволочь.

Это слово девушка прошептала почти бесшумно, а потом мы вновь застыли в поцелуе. Я чувствовал, как колотится сердце Лины, так сильно, что я думал, оно выпрыгнет из груди. Казалось, даже при всём своём волнении она целовалась просто замечательно. Мне бы стоило поучиться у Лины этому умению, но пока что я просто стоял без движения.

Бабочки, говорите? Да у Лины в животе сидела как минимум дюжина пауков. Ядовитые, до безумия ужасные и опасные, они впивались в кожу, стоило мне поцеловать эту девушку. И сейчас эти самые пауки выедали меня, впрыскивая смертельную долю яда в кровь. Паршиво, но ничего не поделаешь – я ещё крепче прижал Лину к себе и запустил пальцы в её кудрявые волосы. Я готов был умереть во время всего этого действия, лишь бы как можно дольше не отпускать Лину и дышать её парфюмом, сводящим меня с ума.

– ТЫ ЧТО, ВОСПРИНЯЛ МОИ СЛОВА, КАК ШУТКУ?!

Услышав за своей спиной голос Дашки, я отпрянул от Лины и инстинктивно обернулся.

Девушка надвигалась на меня, сгорая от злости. В момент, когда она схватила меня за руку, я не пытался оттолкнуть её. Скорее, сдерживая смех внутри себя, ждал, что же выкинет

эта девчонка в этот раз.

Пока аудитория кишела множеством наших однокурсников, Дашка молчала. Но когда в этой комнате остались только трое: я, Даша и Лина, девушка начала говорить:

– Почему ты не послушал меня?! Ты что, считаешь, что я дура? Думаешь, что я сумасшедшая, да?! Верно?

– Если честно, то да.– произнёс я, пытаюсь не смеяться.

– Глупости...– сказала вмешавшаяся в наш разговор Лина.– Дашка не сумасшедшая, а просто ревнивая.

– Тварь!– проговорила Даша сквозь зубы.– Почему, почему ты меня не слышишь, Лёня?

Девушка взялась обеими руками за мою куртку и потащила к себе. В тот момент я отгонял от себя безумное желание оттолкнуть Дашу, и мне казалось, что с каждой секундой это желание становится всё навязчивей и навязчивей. Но мне было интересно, что будет делать Дашка, поэтому полностью поддавался ей. Наверное, она почувствовала власть надо мной и поцеловала меня в шею. В этот момент всё моё тело будто парализовало. Даша же, не отрываясь от моей шеи, быстро убрала руки с моей куртки и взялась за мои потные ладони. Ей нравилось бесить меня. Кажется, она пытается вывести меня из душевного равновесия. Нужно с этим что-то делать. Достаточно клоунады.

– Отпусти меня.– приказал я.

Дашка на секунду прекратила целовать мою шею, и взглянула на меня. В этот момент она была похожа на сумасшед-

шую маньячку, и я ни сколько не сомневался в том, что она Даша таковой и являлась. Она пожирала меня своим взглядом, ничего не говоря. Но мне и так было понятно то, что Дашка, сгорая от ревности, злится на меня. Надо было просто извиниться- и всё тут. Во всяком случае, мне от этого извинения не будет ничего плохого...

– Прости меня.– произнёс я.– Давай не будем ссориться...?

– Что, прости? Ссориться? Ты серьёзно, или издеваешься надо мной?!– произнесла Дашка, озираясь по сторонам.– Я... просто за тебя волнуюсь, понимаешь? Я знаю, что ты любишь Лину, но... я... я одержима тобой.

– Это видно.

– Нет, возможно я не так выразилась, но... я люблю тебя.

– У Лёни и так сегодня сложный день!– сказала Лина.– Ещё ты тут мешаешься! У него сегодня умерла кузина! Ещё ты заставляешь его выбирать- я или ты. Ясно ведь, что мы любим друг друга! а ты тут всю атмосферу испортила.

– И не умерла бы у него кузина, если б не ты!– в сердцах крикнула Даша.

По щекам девушки потекли слёзы, и Лина оттолкнула Дашку, осуществив мои мечты.

– Лёнь... потом ты пожалеешь обо всём...– сказала Даша.

Честно говоря, как бы мне не было стыдно говорить об этом, но Дашку мне не стало жаль. Я бы предпочёл лучше умереть, нежели пожалеть эту девушку. В конце концов, я

имею право на то, чтобы побыть со своей девушкой без привлечения третьих лиц! И Даша тут была совсем не к месту, ещё и со своими догадками. Достало меня её «причинение добра», вот и всё. Мне бы не хотелось лицемерить... да, я ненавидел Дашу. Ненавидел настолько, что готов был придушить её, но пока сдерживался. Я любил Лину и не мог понять, почему Дашка так хочет, чтобы наши отношения развалились.

Моя Лина увидела, что я напряжён, от чего и отвела меня в сторону. Я и не был против. Дашка была мне противна. Лина же ничего не говорила. Она лишь показала мне руку, и если бы я не был знаком с девушкой, работающей в морге, то так бы ничего и не понял- но, к сожалению, я всё осознал. И моё тело пробил дрожь от того, что я понял- на руке Лины были трупные пятна. Я не был уверен в этом, но мой разум утверждал то, что я не ошибаюсь.

Я стоял, как вкопанный, не смея пошевелиться, пока ко мне не подошла Даша.

– Идём.– сказала она.– Быстрее. Она чувствует твой страх. Она знает, что ты боишься её... ты слышишь меня, Лёня?

Но я не слышал. Я ощущал, как моё сердце медленно уходит в пятки. Крик застрял где- то в горле, а в груди встрял ком. Такой неприятный, удушающий комок боли и сожаления. Нет, не страха. Скорее всего, я уже был готов к подобному. Ещё когда поговорил с Анной. Но то, что ЭТИМ окажется Лина... я не мог даже подумать об этом, но теперь всё

стало до боли ясно. Голова взрывалась от потока мыслей. Я не мог сосредоточиться ни на одной из них. Все они были хаотичны, не связанные между собой... и я понимал, что нужно бежать- но стоял на месте, смотря в стеклянные глаза Лины, не отражающие никаких чувств и эмоций.

– ИДЁМ УЖЕ, ПРИДУРОК!

Даша было потащила меня за собой, но вдруг в класс зашёл лектор, и Лина, быстро опустив рукав, поспешила на своё место.

– А я же говорила...– произнесла Дашка.

– Прости. Я же не мог так быстро понять этого...– сказал я.

– Естественно, не мог. Однако теперь уже поздно... они придут сегодня.

– Ты же говорила «она»...

– Нет. Они.

– Но кто тогда?! Кто- то вместе с Татьяной...?

– Ты сам всё узнаешь. Потом.– и Даша быстрыми шагами направилась к своему месту.

Я сидел на кухне и пялился в окно. Каждый сантиметр этой квартиры напоминал мне о Надьке. О том периоде, когда рядом со мной был человек, которого я любил. Звук едущих машин успокаивал, но ненадолго. Мысли о сегодняшней ночи убивали меня. Я словно был в западне, в такой ужасной бездне, что мне хотелось рыдать навзрыд. Но я не

мог. Если я не помог Надьке, значит помогу сам себе- таким было моё окончательное решение.

Уже вечерело, и тьма постепенно окутала квартиру. Свет отключили, и без него я уже был второй час. Свечей у меня тоже не было, и как назло, телефон тоже был практически разряжен. Казалось, что во тьме коридора кто-то притаился, наблюдая за каждым моим действием, словно ожидая того момента, когда на меня можно будет напасть. Сериалы, которые я смотрел по телефону от скуки, тоже не помогали. Мрачные мысли засели в моей голове, не собираясь исчезать. Я хотел уснуть и больше не чувствовать всего этого, но я не мог спать. Только не сейчас. Эта ночь... если я вдруг усну- то не проснусь. Моё шестое чувство предсказывало это, и именно поэтому я, не смыкая глаз, сидел на кухне, смотря какие-то сериалы, которые были скачены в телефон чуть раньше, до того, как отключили свет. Мне сейчас не хватало кого-то рядом. Я остро чувствовал одиночество, от которого моя спина невольно холодела, а сердце начинало биться всё быстрее и быстрее...

И вдруг- звонок в дверь. Я не доверял всему, что происходит, однако что-то заставило меня подняться и подойти к двери. К счастью, там был глазок, смотря в который я смог, светя фонариком, разглядеть Дашку. При всей моей, ещё оставшейся ненависти к ней, я всё же открыл девушке дверь. Гнетущие одиночество и страх одновременно уже достигли своего пика, и я готов был впустить в дом своего вра-

га, лишь бы не ощущать этих двух чувств, медленно пожирающих меня изнутри.

Даша переступила порог квартиры и закрыла дверь.

– Это не поможет.– сказала она, скорее всего, мысли вслух.

– Даш... а ты чего? Поздно же!– произнёс я, ставя сумку Дашки на стол в прихожей.– Зачем тебе я, а?! У тебя что, других забот нет...?

– Я люблю Лину. Она моя самая близкая подруга. Даже после смерти... я не могу... но я, зная что она мертва, я всё равно хочу дружить с ней. А Лина... она обожает тебя. Даже после своей смерти. И я должна сберечь тебя. Вот только я боюсь...

– Чего именно?

– Я боюсь, что после смерти Лины мы все исчезнем. И я больше никогда не увижу свою девочку... проклятье... если я вспомню об этом ещё раз...

Из глаз девушки брызнули слёзы.

– погоди, не плачь...– произнёс я и провёл Лину на кухню, после чего усадил за стул.– Тебе налить чаю?!

– Нет, спасибо. Мы все исчезнем, и я не могу ничего ни есть, ни пить.

– МЫ ВСЕ?! Ты... ты тоже умерла?

– Раньше Лины.

– Но... почему этот дом ещё стоит, раз про него ходит столько легенд и всяких страшилок, м?

– Татьяна охраняет этот дом. Ты думаешь, где твои родители? А они раньше жили здесь! И Татьяна убила их. В этой квартире... и теперь она ждёт тебя. Надька не повесилась. Её повесила Таня, надеясь, что ты... наложишь на себя руки. Но ты не сделал этого. И единственный способ избавиться от этого дома- сжечь его. Никто ещё не сделал этого. Все они умирали при виде Татьяны. Но я займусь этим.– на лице Дашки появилась еле заметная улыбка.

– Ты оставишь меня?!

– Нет. Эту ночь я обязуюсь провести с тобой. В любом случае, я умерла...

Дашка была мертва, и я знал это. Прекрасно понимал это, но я ощущал в ней некоторое тепло, согревающее меня в тот момент, когда мои руки леденели от животного страха, постепенно охватывающего меня. Мне бы хотелось побыть с Дашкой чуть больше времени...

Я подошёл к девушке и обнял её.

– ИДИОТ!– произнесла та.– Ты меня напугал.

– Прости.– сказал я.– Слушай, а ты не собираешься сделать со мной ничего плохого, как, например, Татьяна?

– Вряд ли.

И вдруг я услышал до боли знакомый мне смех.

– Пришли. Мы не успели... в общем... не доверяй ни одному из них... я попытаюсь их отвлечь.– произнесла Дашка.

Я кивнул и бросил взгляд на стену, от чего обомлел, потеряв возможность двигаться: оттуда выходили, один за одним,

разные силуэты. Их лица были скорёжены, а рот застыл, как будто все они пытались кричать- но не могли. И я, в одном из этих уродцев, узнал Лину. Девушка была в многочисленных ранах и пятнах и стояла, протягивая полусгнившие руки в мою сторону. После я узнал и других своих однокурсников. К огромному моему ужасу, они выглядели не лучше моей возлюбленной.

– Вот они и приняли свой истинный облик.– сказала мне Даша.

– И Лина... она тоже хочет меня убить?– спросил я.

Дашка лишь кивнула.

Вслед за уродцами из стены вышла какая- то женщина. Она была в белом платье, и выглядела на удивление лучше тех, кто вышел из стены перед ней. У этой женщины были длинные волосы, и она улыбалась мне. Затем подошла ко мне и отдала что- то мне в руку. Это была записка. Развернув её, я прочитал:

«Я люблю тебя. Держи эту записку у себя в руках. Не дай им выбить её у тебя... тогда они не смогут убить тебя.».

Я с удивлением глянул на женщину.

– Это твоя мама.– пояснила Дашка.– Она не убьёт тебя.

– Мама...– проговорил я.

Я уткнулся в Дашу и зарыдал. Такой искренней любви я ещё никогда не чувствовал. Страх словно нивелировался, пока я смотрел на свою мать, такую красивую и замечательную, словно она была ангелом, спустившимся с небес ради

меня- но потом всё исчезло. Я больше не видел призрак своей матери. Лишь только уродцы и Дашка были в этой квартире кроме меня.

Но потом из стены вышла она... или оно. Тоже в белом платье... вот только оно всё было перепачкано кровью. Это, что когда- то являлось женщиной, еле передвигаясь, прошло к уродцам. Очевидно, оно было главным среди них.

– Татьяна.– прошептала Даша.

– Ты чего? Почему шёпотом?!– спросил я в недоумении.

– Называя имя демона, ты можешь призвать его. А в нашем случае, услышь она своё имя, она будет подходить всё ближе и ближе.

– Зачем ты тогда говорила её имя?

– Со мной это не работает. Я мертва. Но когда ЭТО- будем называть её так, здесь, в комнате со мной, на меня это правило тоже действует...

Татьяна показала уродцам какой- то знак пальцами, и тут я увидел, как все они стали... такими красивыми! Лина- таковой же, как и всегда, а мои однокурсники смотрели на меня и Дашку взглядом, полным доброты- и ни капли злобы. Среди этих людей был ребёнок. Девочка лет пяти. Она плакала, кричала, но никому не было до неё дела.

– МАМА, МАМА, ВЕРНИТЕ МЕНЯ К МОЕЙ МАМЕ!!!!– кричала девчонка.

Я, словно будучи под гипнозом, встал со стула и подошёл к ребёнку, который вскоре обратился в чудовище. Татьяна

завопила так, что у меня заложило уши, и я инстинктивно попятился назад.

– БЫСТРО!!! ВЗЯТЬ ЕГО!!! НИКТО НЕ БУДЕТ ТУТ ЖИТЬ! ЭТО МОЯ КВАРТИРА! МОЯ! МОЯ!!!! И НИЧЬЯ БОЛЬШЕ!!!

Вдруг я увидел, как Дашка открыла дверь и жестом позвала меня к себе. Я быстро подбежал к Даше, и вдруг я понял, что она хочет сделать. Выпроводив меня, эта смелая девушка, очевидно, хотела остаться наедине с этими тварями... нет, я не мог этого допустить!

– Даш, Даша... милая, пойдём вмес...

Но не успел я договорить фразу, как меня швырнули за дверь, кинув за пределы квартиры все мои вещи, и закрыли дверцу. Долго я сидел в подъезде, весь в слезах, а потом вызвал такси, дабы поискать ещё какое-нибудь жилище. И я слышал крик Дашки, но ничего не мог с этим сделать. Отчаяние пробирало меня до костей.

С того дня прошло достаточно много времени. Мне всё же выделили комнату в общежитии, и я возвращался тогда домой с работы. Теперь я стал риэлтором, и после работы захотел пойти и посмотреть на тот злополучный дом, чуть не отнявший мою жизнь. Галину, кстати, нашли мёртвой в её новом доме на следующий день после того, как я уехал из квартиры, положив ключи рядом с дверью.

И вот, я уже стоял напротив злосчастной многоэтажки.

Она вся была сгоревшей, выглядевшей не лучше рядом стоящей с ней заброшенной школы.

Очевидно, у Дашки всё получилось.